Поцелуй принца

Автор:
Джулия Лондон

Поцелуй принца

Джулия Лондон

Баронесса Каролина Хок – красавица, завидная невеста. К ее ногам мог пасть любой, лишь помани она пальцем. И только принц Леопольд не примкнул к сонму ее поклонников, не поддался ее чарам. Каролина казалась ему взбалмошной, не привыкшей ни в чем знать отказа девицей. Как же он ошибался… Встреча в Лондоне и теплое общение подарили ему возможность разглядеть в Каролине потрясающую женщину. Именно такую, какую он искал всю жизнь. Но Каролина знает, что они не могут быть вместе, – Леопольд помолвлен. И он должен вернуться на родину, в Алусию, к невесте.

Джулия Лондон

Поцелуй принца

© Dinah Dinwiddie, 2020

© Jon Paul, обложка, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке и художественное оформление, 2021

Глава 1

Хеленамар, Алусия

1846 год

…совершеннейшая правда заключается в том, что и мужчины, и женщины одинаково жаждут искреннего уверения в том, что будут любимы вечно, и ничто не способно вызвать столь восторженную радость в груди любого представителя рода человеческого, как свадьба.

В недавнем прошлом самым знаменательным событием стало бракосочетание всеобщей любимицы Элизы Триклбэнк и Его Королевского Высочества Себастьяна Чарльза Ивера Шартье, наследного принца Алусии.

Невеста вступила под своды собора Святого Павла в столице Алусии Хеленамаре ровно в половине первого пополудни. На ней было платье из белого атласа и шифона, скроенное по моде Алусии, облегающее и снабженное традиционным шлейфом длиной около тридцати футов. Шлейф был расшит вручную золотой и серебряной нитью, изображающей символы Англии и Алусии, включая знаменитых алусийских скаковых лошадей, горный лютик и герб Шартье. Англия была уже привычно представлена розой Тюдоров, львом и государственным флагом. Национальный девиз Алусии, Libertatem et Honorem[1 - Свобода и честь (лат.).], был вышит крошечными фестончатыми буковками на обшлагах рукавов.

Невеста покрыла голову вуалью, закрепив ее украшенной бриллиантами тиарой с центральным камнем весом в десять каратов, который одолжила ей Ее Величество королева Дарья. Она также надела жемчужное ожерелье из двадцати трех зерен, по одному на каждую провинцию Алусии – дар Его Величества короля Карла. Грудь леди Триклбэнк украсила золотой брошью с сапфирами, кою в качестве свадебного подарка преподнес ей жених, принц Себастьян.

Сам же принц облачился в удлиненный черный сюртук тончайшей шерсти с фалдами до середины голени, белую жилетку, украшенную той же самой вышивкой, что и шлейф платья невесты, и шелковый шейный платок, отделанный золотой и серебряной нитью. Голову его украшала корона, возложенная на него во время помазания наследным принцем.

После церемонии новобрачные отправились в открытом экипаже в Константиновский дворец под приветственные крики доброжелателей, растянувшихся на добрых три мили по обеим сторонам проспекта.

Король пожаловал принцу и его новобрачной титулы герцога и герцогини Таннемидских. Отныне местом их проживания станет Таннемидский дворец в портовом городе…

Дамская газета мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт

Надежды и обещания, присущие любой свадьбе, неизменно восхитительны, но в случае королевской свадьбы пароксизмы радости запросто могли бы навечно заморозить улыбки на восторженных лицах присутствующих. Самые пресыщенные сердца наверняка преисполнились бы умиления. А окажись еще божественная королевская новобрачная чьей-либо лучшей подругой, это наверняка породило бы накатывающие одна за другой волны безграничного счастья.

Леди Каролина Хок не могла нарадоваться счастью своей лучшей подруги Элизы Триклбэнк, которая в эту самую минуту приносила брачный обет любви и верности принцу Себастьяну. Всего несколько месяцев назад Элиза была решительно настроена остаться старой девой и посвятить себя уходу за слепым отцом, пока смерть не разлучит их. Днями напролет она носила простые безыскусные платья и фартуки, поочередно то читая отцу, то предаваясь своему необычному хобби и починяя часы. Но потом Элизу пригласили на королевский бал, на котором погиб человек, а она случайно узнала кое-что, способное пролить свет на личность убийцы, и не успела Каролина оглянуться, как ее Элиза выходит замуж за человека, который в один прекрасный день станет королем этой страны. А это, в свою очередь, означало, что сама Элиза обретет титул королевы.

Это было настолько невероятным, настолько невозможным, что казалось лучше любой, самой вычурной и несбыточной сказки, которую Каролина когда-либо слышала или могла бы вообразить.

Сидя в первом ряду кафедрального собора, на почетном месте, предоставленном ей как лучшей подруге Элизы, Каролина взирала на происходящее сквозь легкую пелену слез. Элиза буквально светилась от счастья. Каролина никогда не считала себя сентиментальной, но вот поди ж ты.

Она перевела взгляд на принца Леопольда, стоявшего рядом со своим братом, принцем Себастьяном. Интересно, как он отнесся к происходящему и что думает о счастливой паре? Он был довольно высок, крепок и мускулист. Широкоплечий, с тонкой талией и мускулистыми бедрами, он выглядел настолько мужественным и по-королевски величественным, что Каролина на миг позволила себе помечтать – она представила, как идет по этому самому проходу, опираясь на его руку.

Эти сладкие мечты оказались настолько увлекательными, что их не могло разрушить даже воспоминание о том, сколь холодный прием он оказал ей на королевском банкете. Тогда, в августе, он смотрел на нее, как на служанку, которая пришла унести его насквозь промокшую одежду. И то же самое повторилось во время утренней конной прогулки в Клевотен-парке, устроенной для гостей, прибывших на свадьбу. В тот день, когда она скакала галопом рядом с ним и его друзьями, он нахмурился и заявил: «Должно быть, вы заблудились, мадам», – словно она была оборванкой, случайно затесавшейся в королевский кортеж!

К счастью для него, Каролина не отличалась злопамятностью и, несмотря на досаду, с легкостью вообразила, что было бы, улыбнись ей принц Леопольд так, как Себастьян улыбался Элизе. Как замечательно было бы пройти по проходу в соборе вместе с ним, да еще в платье, столь же прелестном, как у Элизы, в разработке покроя какового, естественно, вместе с королевскими портнихами участвовала и Каролина. Ведь не зря же она обладала тонким вкусом и острым глазом.

Рядом с Элизой стояла ее сестра, миссис Холлис Ханикатт, замужняя подружка невесты. Следить за вычурным шлейфом, прикрепленным к платью Элизы, Холлис помогали восемь маленьких ангелочков. Одеты они были в точности как Элиза, разве что без шлейфа, разумеется, поскольку маневрировать с ним могла только чрезвычайно опытная и ловкая особа. Зато девочки украсили свои головки венками из цветов. Других подружек у невесты не имелось.

А вот будь это свадьба самой Каролины, у нее их было бы целое море.

Но, по словам Элизы, в Алусии это было не в обычае.

– Девочки с цветами, – сказала она. – Они съезжаются со всей страны. Там почитается за честь, когда тебя называют «девочкой с цветами», насколько я могу судить.

– Но почему же ты отказываешься от того, что нравится тебе? – удивилась Каролина, исходя из предположения, разумеется, что Элизе нравится то же, что и ей.

С момента обручения Элизы и принца Себастьяна Каролина также исходила из предположения, совершенно ошибочного, кстати, что она-то и станет главной подружкой невесты. В конце концов, с Элизой и Холлис она дружила с самого детства.

– Если честно, меня вполне устраивают эти девочки с цветами, – отозвалась Элиза. – И вообще, меня бы вполне устроило самое скромное торжество. Я готова была согласиться даже на гражданскую церемонию. Но королева Дарья придерживается иного мнения.

– Вполне естественно, с ее стороны. На свадьбе тебя увидят все те люди, которыми ты когда-нибудь станешь править.

Элиза насмешливо фыркнула:

– Я не буду править, Каролина. Мне очень повезет, если я просто сумею отыскать своего мужа в этом огромном здании, – и она обвела рукой празднично украшенные стены.

Ее слова не были преувеличением – размерами Константиновский дворец превосходил даже Букингемский.

– Позволь мне быть твоей подружкой невесты! – взмолилась Каролина. – Я сумею присмотреть за твоим шлейфом гораздо лучше Холлис.

– Прошу прощения! Это я – ее сестра, – напомнила Каролине Холлис.

– Шлейф имеет длину тридцать футов, Холлис. Как ты справишься, скажи на милость? Ты и своему-то ладу не дашь, особенно после того, как мы побывали в Алусии. А вот мое платье заслуживает того, чтобы его увидели все. Я не пожалела на него ни денег, ни усилий.

Элиза и Холлис во все глаза уставились на Каролину.

– Разумеется, я хотела сказать «после твоего платья».

Но сестры продолжали смотреть на нее.

Каролина едва заметно пожала плечами.

– Это же очевидно, – добавила она.

– Так и я думала, – снисходительно заметила Элиза.

Прибыв месяц назад в Хеленамар, они втроем с ликованием переняли алусианский стиль в одежде. Английское платье – юбки в пол, высокий ворот и длинные рукава – оказалось жарким и тяжелым. И у них вызвали одно лишь восхищение чудесные алусианские наряды, которые облегали тело со всеми его впадинками и выпуклостями, наряды с длинными свободными рукавами и, самое главное, с украшенными изумительной вышивкой шлейфами… пока не оказалось, что носить такой вот шлейф не так-то легко.

– Я справлюсь, – упорствовала Холлис. – Гости приехали сюда не для того, чтобы любоваться твоим платьем, Каро.

– Что ж, Холлис, ты, без сомнения, права. Но ведь они все равно будут в восторге, не так ли? А кстати, кто сказал, что свидетельница обязательно должна приходиться сестрой невесте?

– Никто, но она – и впрямь моя сестра, и потому свидетельницей будет она, – заявила Элиза. – Кроме того, если рядом со мной будешь стоять ты, то на протяжении всей церемонии я бы только и делала, что переживала из-за того, что ты настолько очарована Лео, что и думать забудешь о моем шлейфе, – и она многозначительно выгнула золотистую бровь, в упор глядя на Каролину.

Можно подумать, та сделала что-то дурное!

Во всяком случае, сама она определенно так не считала.

– Лео? Так вот как мы теперь его называем? – растягивая гласные, проговорила она. Лео приходился младшим братом принцу Себастьяну. Его Королевское Высочество принц Леопольд.

Принц Леопольд, о чем знали все, последние несколько лет провел в Англии, «посещая» Кембридж, что в действительности означало, что он проводил куда больше времени на званых вечерах, в клубах для джентльменов и на охоте, нежели в учебных аудиториях. Минувшим летом Каролина встретила его в Чичестере на приеме в загородном имении. У них даже завязался очаровательный разговор, который Каролина до сих пор помнила слово в слово. Принц же Леопольд, напротив, не помнил его совершенно. Хуже того, он, судя по всему, не помнил и ее саму.

Голос архиепископа вдруг поднялся до какого-то торжественного речитатива, вновь привлекая внимание Каролины к церемонии. Господи милосердный, она опять думала о принце Леопольде в то время, когда ей следовало бы наблюдать за тем, как ее лучшая подруга выходит замуж за принца. В следующее мгновение Элиза вложила ручку в руку принца Себастьяна и крепко сжала ее, когда архиепископ попросил ее повторить за ним по-английски: «Любить, почитать, защищать и оберегать».

Как романтично!

Каролина скосила глаза вправо. Она сидела рядом со своим братом, бароном Беккеттом Хоком. Старше ее на полдюжины лет, он был ее опекуном с тех самых пор, как ей исполнилось восемь, а ему – четырнадцать. Она прижалась к нему плечом и прошептала:

– Правда, чудесно?

– Ш-ш, тише.

– Думаю, что она красивее самой королевы Виктории в день ее свадьбы, – продолжала нашептывать Каролина. – А платье у нее просто очаровательное. Это я придумала расшить шлейф золотой и серебряной нитью.

Бек сделал вид, будто не расслышал ни слова.

– Знаешь, пожалуй, я и сама могла бы соорудить тот шлейф.

Брат положил ладонь на колено Каролине и сжал его, повернувшись к ней лицом и устремив на нее взгляд своих светло-зеленых глаз. При этом он грозно нахмурился.

Оттолкнув его руку, Каролина огляделась. А он действительно внушителен, этот собор Святого Павла. Высоко над головой парили потолки, разрисованные образами ангелов и прочих созданий Божиих. Все крепления, канделябры и иные элементы были вызолочены, но особенно впечатляюще выглядел амвон, похожий скорее на монумент, чем на подставку для Библии. Витражных же стекол было столько, что утренний свет дробился на длинном шлейфе Элизы, превращая его в движущуюся радугу в сиянии солнечных лучей, пробивающихся сквозь оконные рамы.

Все до единого места в огромном соборе были заняты, заполненные красивыми людьми самых разных оттенков кожи, в ярких костюмах и сверкающих драгоценностях. Каролина знала, что они съехались сюда со всех концов света, из таких стран, о которых она даже не слыхала.

Под полусферическими перекрытиями над алтарем расположился хор молодых мужчин и мальчиков, распевающих гимны, под аккомпанемент которых Элиза шла по центральному проходу навстречу своему принцу. Их голоса звучали так, словно небеса расступились и ангелы решили приветствовать невесту своим пением.

Церемония, длившаяся вот уже час, была преисполнена помпезности и торжественности. Каролина, откровенно говоря, не очень понимала, что происходит, поскольку велась она на латыни и алусианском, и только в той части, что касалась Элизы, звучала английская речь. Ей казалось, что Элиза и Себастьян слишком уж часто то опускаются на колени, то вновь встают, глядя друг на друга сияющими глазами. Но в какой-то невероятно торжественный

момент Элиза преклонила колени в одиночестве. Создавалось впечатление, будто ее посвящают в рыцари или миропомазывают на нечто подобное, и, когда все закончилось, архиепископ возложил руку ей на голову, король и королева поднялись со своих мест, а принц Себастьян поднял ее на ноги и приколол к груди роскошную золотую брошь, усыпанную сапфирами.

– Вот теперь она стала принцессой по-настоящему, – прошептала Каролина, обращаясь к Беку.

Но тот пропустил ее слова мимо ушей, что, впрочем, было вполне предсказуемо.

Элиза выглядела как настоящая принцесса, и Каролина пожалела о том, что здесь нет ее отца, судьи Триклбэнка. Увы, преклонный возраст и слепота сделали его присутствие здесь невозможным. Перед тем как Себастьян вернулся в Алусию, в Англии состоялась небольшая приватная церемония – был заключен первый гражданский союз. То скромное торжество, на котором ее отец таки присутствовал, объяснялось тем фактом, что Элиза и Себастьян, похоже, не могли расстаться даже на несколько часов.

Гражданский брак был заключен еще раз сразу же после того, как Элиза прибыла в Алусию, дабы соблюсти приличия, поскольку пыл страсти между Элизой и принцем лишь нарастал. Право же, временами на это просто неловко было смотреть.

Но ни одна церемония не могла сравниться с тем, что происходило сейчас. Наступил настоящий праздник, пиршество для глаз и сердец романтиков со всего света.

Каролина на миг отвлеклась, спрашивая себя, а будут ли все эти гости присутствовать нынче вечером на балу? Она очень надеялась на это. Ведь у нее имелось прелестное голубое платье по последней алусианской моде, отделанное золотой нитью. Шлейф к нему она изготовила сама. И бал станет для нее прекрасной возможностью явить себя в нем во всей красе… рядом с Элизой, разумеется.

Только вчера Элиза нервно подсчитывала, сколько глав государств будут присутствовать на ее свадьбе и балу, и окончательная – внушительная! – цифра заставила ее побледнеть. У Каролины же пульс лишь участился от восторга.

– Нет, я этого не переживу! – воскликнула Элиза, доведенная до отчаяния количеством сановников и высокопоставленных особ, многие из которых были королями и королевами. – А вдруг я скажу что-нибудь невпопад? Вы же знаете, какая я неловкая. Вы хотя бы представляете, сколько подарков мы уже получили? Да я в жизни не видела такого количества золотых кубков, серебряных подносов и тончайшего фарфора! Что будет, если я споткнусь? Или пролью что-нибудь себе на платье?

– Мой тебе совет, дорогая: не накладывай ничего с верхом себе на тарелку, – рассеянно отозвалась Холлис.

Она склонилась над листом бумаги, делая какие-то заметки для своей «Дамской газеты мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт». В издании, выходящем два раза в месяц, освещались такие темы, как последние моды, домоводство, здоровый образ жизни и – самое интересное – завораживающие сплетни, циркулирующие в высшем обществе Лондона.

И сейчас Холлис едва успевала удовлетворять ненасытный спрос на светские новости. Она уже подумывала о том, чтобы немедленно по возвращении в Лондон наладить выпуск газеты, вдвое превосходящей по количеству страниц ее нынешнее издание, со всеми последними известиями о королевской свадьбе. А пока она буквально засыпала письмами своего слугу Донована, дабы он сберег их в течение того месяца, что они проводили в Алусии.

Она настолько погрузилась в свои мысли, что ее совет, пусть и здравый, прозвучал совершенно не ко времени, и Элиза не выдержала:

– Как ты можешь так говорить! С той поры, как я прибыла в Алусию, у меня и маковой росинки во рту не было. За столом королева смотрит на меня с таким видом, словно решительно не одобряет того, что я делаю! Вот я и боюсь лишний раз пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы поесть нормально, – пожаловалась Элиза. – Они все будут смотреть на меня. Будут ждать, чтобы я допустила какую-нибудь оплошность, или гадать, не ношу ли я уже под сердцем наследника. Вы даже представить себе не можете, какой интерес вызывает моя способность зачать его!

– Ну еще бы! – жизнерадостно воскликнула Каролина. – Тебе предстоит стать племенной кобылой, дорогуша, но после того, как ты дашь им то, чего они хотят,

сможешь жить в супружеском раю до конца дней своих в окружении роскоши, привилегий и очень большого количества слуг.

– К тому же отнюдь не все будут смотреть на тебя, Элиза. По крайней мере половина залы будет пожирать глазами твоего красавчика-супруга, – лукаво подмигнув ей, заметила Холлис.

Каролина вновь вернулась в реальность, когда архиепископ поднял тяжелую чашу, украшенную драгоценными камнями, над головами Элизы и принца Себастьяна. Это ведь наверняка должно означать, что они почти закончили? Принц Себастьян взял Элизу за руку, и они отвернулись от архиепископа, встав лицом к гостям, с ужасно нелепыми и счастливыми улыбками на радостных физиономиях. Они стали мужем и женой!

Холлис тоже повернулась, и даже с того места, где сидела Каролина, было видно, что ее темно-синие глаза блестят от слез радости. Гости поднялись на ноги, когда принц со своей новобрачной отправились в обратный путь от алтаря. Сверху на счастливую пару и гостей обрушился дождь розовых лепестков. Маленькие девочки с цветочными венками на головах порхали вокруг Элизы, словно бабочки, а когда пришел их черед шествовать по проходу вслед за молодоженами, выстроились в две шеренги, держа в руках шлейф ее платья. Принц Леопольд предложил руку Холлис, и та ответила ему сияющей улыбкой. Каролина вдруг почувствовала себя чужой и всеми забытой на этом празднике жизни. Нет, Холлис и Элиза были, конечно, близки и дороги ее сердцу, став для нее почти сестрами, но ей отчаянно хотелось быть с ними рядом в эту минуту.

Элиза и принц Себастьян проплыли мимо Каролины и Бека, не обратив на них ни малейшего внимания. Этого следовало ожидать – оба выглядели безумно влюбленными. Они были настолько очарованы друг другом, что Каролина даже начала беспокоиться, как бы они не налетели на одну из мраморных колонн, обрамлявших их путь.

О да, она отчаянно им завидовала, зависть буквально переполняла ее. В Англии мысли о замужестве редко приходили ей в голову, разве что в тех случаях, когда Бек начинал жаловаться, говоря, что она должна остановить свой выбор на ком-либо, пусть на ком угодно, и снять с его плеч тяжкую ношу опекунства. Хотя, если говорить откровенно, эта обязанность не особенно тяготила Бека, невзирая на его протесты. Каролина даже подозревала, что он получает удовольствие от ее подчиненного положения. И потому она продолжала бездумно перепархивать

с одного приема на другой, наслаждаясь знаками внимания, которые оказывали ей попадавшиеся на ее пути многочисленные джентльмены, от всей души радуясь собственной свободе и возможности поступать так, как ей заблагорассудится.

Но сейчас, глядя на Элизу, Каролина вдруг поняла, что тоже хочет однажды влюбиться в мужчину, который был бы предан ей так же, как принц Себастьян – своей невесте. Ей захотелось изведать все те чувства, что были уже знакомы Элизе, и на собственном примере понять, как любовь меняет человека.

Принц Леопольд и Холлис прошествовали мимо Каролины и Бека. По лицу Холлис текли слезы счастья. Проходя мимо, принц Леопольд сподобился взглянуть на гостей, надев на лицо вежливую улыбку. Взгляд его остановился на Каролине – ну, в общем, не совсем чтобы остановился, а скорее скользнул по ней, тем не менее она в ответ широко улыбнулась. Она уже начала было поднимать руку, но чей-то резкий тычок под ребра остановил ее. Вздрогнув от неожиданности, она широко раскрытыми глазами уставилась на брата.

– Перестань пялиться на него с открытым ртом, – прошипел тот. – Смотри, не сверни себе шею!

В ответ Каролина с небрежным высокомерием поправила локон на шее.

Бек же перенес все свое внимание на процессию. Сейчас мимо них шествовали король с королевой. Брат наклонился к ней и прошептал:

– Он – принц, Каро, а ты – самая обыкновенная английская девчонка. Ты опять предаешься несбыточным сказочным мечтам. Они крупными буквами написаны у тебя на лице.

Обыкновенная английская девчонка? Ей вдруг ужасно захотелось дать Беку пинка, как в те времена, когда она и впрямь была маленькой девочкой.

– Лучше уж предаваться несбыточным мечтам, чем не мечтать вовсе.

В ответ Бек лишь выразительно закатил глаза, а затем продолжал равнодушно взирать на то, как вслед за королем и королевой мимо прошел архиепископ со

служками и алтарниками.

Обыкновенная английская девчонка! Нет, ну надо же было ляпнуть такое!

Глава 2

…новобрачную герцогиню Таннемидскую вполне заслуженно обожают как граждане Алусии, так и весь остальной мир. По окончании свадебной церемонии в честь молодоженов семьей герцога был дан приватный бал со специально приглашенными гостями, на котором герцогиня продемонстрировала полученные ею свадебные подарки, включая рубиновое ожерелье от императора Австрии Фердинанда I, позолоченную фарфоровую шкатулку от султана Абдулмесида и народа Турции, а также пару танцующих лошадок от принца Монако Флорестана I. Наша королева Виктория и принц Альберт преподнесли в дар герцогу и герцогине Кроули-холл, имение в Сассексе, ключи от которого были торжественно вручены молодоженам достопочтенным лордом Расселом, прибывшим в Хеленамар в свите Ее Величества королевы.

Герцог и герцогиня Таннемидские были не единственными, кто удостоился пристального внимания во время церемонии. Некоторые обозреватели отмечают, что близкий родственник герцога уделял куда больше времени наследнице Веслорианского престола, нежели новобрачным…

Дамская газета мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт

Не исключено, что сия свадебная церемония стала самой продолжительной в истории рода человеческого. Пожалуй, даже греческая вакханалия не смогла бы длиться так долго. Принц Леопольд вдруг ощутил, что шейный платок буквально душит его. Медали, которые он надел, как того требовал протокол, оттягивали ткань сюртука вниз, отчего ему то и дело приходилось расправлять плечи, дабы избежать морщинок на нем. Интересно, в котором часу Кадро, телохранитель, уложил его сегодня в постель? В четыре утра? Он не помнил. Хотя на самом деле особой вины Лео в этом не было. Его просто взяли «на слабо», предложив выпить la fee verte, или «зеленую фею», как назвал этот адский напиток шведский

посланник.

Задержавшись в самом конце свадебной процессии, молодожены свернули в небольшой вестибюль, чтобы расписаться в приходской книге регистрации актов гражданского состояния. Лео, миссис Ханикатт и архиепископ последовали за ними, намереваясь выступить в качестве свидетелей. Лео смотрел, как брат уверенной рукой вывел в нужной графе подпись «Себастьян Шартье». Он вдруг поймал себя на том, что в нетерпении постукивает пальцем по штанине, глядя, как перо берет Элиза и расписывается рядом с мужем. Рука у нее дрожала, и она умудрилась посадить кляксу под размашистой подписью с завитушками, буквы которой складывались в ее новое имя «Элиза Триклбэнк Шартье». Едва отложив перо, она крепко обнялась с миссис Ханикатт, и обе принялись хохотать как сумасшедшие, и темноволосая головка миссис Ханикатт прильнула к светлым кудрям Элизы.

Себастьян и Леопольд обменялись взглядами. Точнее, это Лео выразительно покосился на Баса, после чего перевел взгляд на часы над его плечом. Ему очень не хотелось выказывать неуважение, но голова у него гудела набатным колоколом, а во рту пересохло. Вот уже вторую неделю церемонии, празднества, официальные приемы и званые ужины сменяли друг друга бесконечной чередой. А ведь он посещал их все, стоически выполняя свои обязанности принца, шафера или кого там еще они желали видеть в его лице, и при этом все время пил, дабы заглушить скуку. И сейчас он злился, желая поскорее покончить со всем этим и вновь встретиться с друзьями.

Лео предпочитал жить вдали от Алусии, в Англии, где у него было множество друзей. Теперешний образ жизни особы королевской крови, при котором он был совершенно бесполезен, выступая в роли реквизита на очередной церемонии, изрядно раздражал его.

– Ваша очередь выступить в роли свидетеля, миссис Ханикатт, – сказал Лео, надеясь ускорить ход вещей, взял золотое перо и протянул его ей на тот случай, если она не поняла, что именно должна засвидетельствовать.

– Да, конечно, – немножко нервно заявила она и разжала объятия, отпуская сестру.

Под кляксой, оставленной Элизой, она быстро и уверенно начертала свое имя.

Следующим расписался Лео – быстро и небрежно, стремясь поскорее разделаться с этой тягомотиной, – после чего отступил в сторону, сложив руки за спиной, пока архиепископ давал новобрачным последнее благословение. Бог ты мой, да сколько же можно благословлять одних и тех же молодоженов?!

Но вот наконец они вышли из собора, и Бас с Элизой сели в открытый экипаж. В такой чудесный солнечный денек дворцовая стража будет сопровождать счастливую пару на всем пути по длинному проспекту до дворца, чтобы дать возможность толпам почитателей, выстроившимся по обеим его сторонам, возможность взглянуть на супругу наследника престола и поприветствовать ее. Едва успев прибыть в Алусию, Элиза стала быстро обретать популярность. Люди видели самих себя в этой обычной девушке, сумевшей очаровать кронпринца, не прилагая к тому каких-то особенных усилий, просто явив ему себя такой, какая она есть. Лео вполне понимал их восторг – это была вечная сказка, в которой воплотились их надежды и мечты. Он понимал, что большинству людей приходится зарабатывать себе на хлеб тяжким трудом, и для них жизнь во дворце представлялась истинным блаженством. Она же стала одной из тех, кто разрушил мощную стену королевской неприступности и привилегий, и они полюбили ее за это.

Впрочем, сам он не видел в этом никакого очарования. Он терпеть не мог золотую клетку, окружавшую его в Хеленамаре. Многие правила, диктовавшие ему, как себя вести, он попросту ненавидел – например, с кем ему разговаривать, где сидеть и так далее. Разумеется, в Англии люди тоже знали, что он принц, но большинство обывателей об этом и не подозревали, более того, никто не требовал от него быть кем-то. И это как нельзя лучше устраивало его, поскольку он не считал себя кем-то особенным. Он был всего лишь человеком с пухлым кошелем и парой охранников, готовых защитить его. В Англии он бывал там, где ему хотелось, охотился, когда у него возникало такое желание, кутил с новыми друзьями, если ему приходила в голову такая блажь, ездил верхом, волочился за женщинами и сидел там, где ему, черт возьми, нравилось. Не оглядываясь на кого бы то ни было.

Точнее говоря, он наслаждался жизнью вплоть до того момента, когда его братец прибыл в Лондон, чтобы заключить торговое соглашение, а его личный секретарь был убит. Тогда вся Англия вдруг узнала, что в стране обретаются двое неженатых принцев. С той поры жизнь его изменилась необратимо. Теперь большинство людей знали его в лицо, но он искренне надеялся, что, когда вернется в Англию, восторги англичан по поводу того, что их соотечественница

вышла замуж за алусианского наследника престола, улягутся, и он сможет вернуться к прежнему беззаботному образу жизни.

К несчастью, взойти на борт корабля он сможет еще очень и очень нескоро. Но сегодня, после частного приема для членов королевской фамилии и, как Лео предполагал, нескольких сотен их ближайших друзей, он рассчитывал встретиться с друзьями детства и хоть немного расслабиться перед завершающим королевским балом, который давали нынче же вечером. После вчерашней попойки вынести очередные возлияния будет нелегко, но если Лео в чем-либо и достиг мастерства, так это в кутежах.

Тем временем Лео и миссис Ханикатт присоединились к его родителям в позолоченном экипаже и неспешно покатили вслед за молодоженами. Судя по всему, происходящее внушало миссис Ханикатт благоговейный страх – она сидела не шелохнувшись и так сильно стискивала руки, что он забеспокоился, как бы она не сломала себе палец. Лео сожалел, что не может сказать, что ей не о чем беспокоиться, – его родители игнорировали ее, по большей части, и, произнеся несколько банальностей насчет свадьбы, обратили все свое внимание на толпы народа по обеим сторонам дороги. Лео знал, как его родители относятся к миссис Ханикатт. Она была чужестранкой, к тому же простолюдинкой. Вскоре она вернется в Англию. Так что знакомство с нею не сулило им никаких выгод.

А вот самому Лео было жаль и ее саму, и ее нервы, и потому он улыбнулся ей. Он с легкостью мог вообразить, сколь ошеломительным оказался этот день для нее и ее сестры. Откровенно говоря, временами толпы народа повергали в смятение и его самого. Интересно, каково это – быть простолюдином и стоять в толпе, глядя, как мимо проезжает королевский экипаж? Каково это – отправиться затем в паб и выпить за свадьбу принца, после чего вернуться к своей жене, детям и постели?

А ведь он предупреждал Баса, что Элизе, скорее всего, будет нелегко привыкнуть к новой жизни.

– Позаботься о своей невесте, – заявил он ему только вчера в тот редкий момент, когда они остались одни. – Она вступила в совершенно новый для себя мир.

– Непременно, – отозвался Бас и, хотя сказано это было небрежным тоном, в глазах его пылал неукротимый огонь, свидетельствующий о том, что он любит Элизу более всего на свете.

Ну и слава Богу, потому что его протекция ей понадобится. Знать Алусии смотрела на нее сверху вниз. Английское дворянство, прибывшее на свадьбу, она, похоже, шокировала. Элиза и сама выглядела то обескураженной донельзя, то очаровательно игривой. А ее сестра вообще не находила себе места.

Единственной, на кого вся эта мишура королевского окружения не производила никакого впечатления, оставалась сестра лорда Хока. Эта женщина не даст воли своим нервам, даже если они взбунтуются и схватят ее за горло. Более того, доселе незнакомые ей официальные условия и положение дел лишь раскрепостили ее. Она легко справлялась с ними с широкой, теплой улыбкой на устах и румянцем на прелестных щечках. При этом, будучи невероятно привлекательной особой выше среднего роста, с роскошными светлыми волосами, она не осталась незамеченной. Ее просто невозможно было не заметить. Она относилась к тому редкому типу светских красавиц, которые легко находят общий язык со всеми, кто встречается им на пути. Ей нравилось слышать собственный голос, и она рассматривала как законную добычу всех, кто попадался ей на глаза, – будь то герцог или дворецкий, королева или горничная. Похоже, особенное удовольствие она получала, вклиниваясь в разговор и предлагая собственное мнение, причем ей не было дела до того, кто оказывался в роли собеседника.

Судя по всему, оказываемое ей внимание лишь возбуждало ее, принуждая преступать границы. Совершенно очевидно, она не увидела ничего дурного в том, чтобы запросто подойти к нему давеча на королевском банкете, словно это было для нее самым обычным делом. Она или не понимала того, что к принцу королевской крови непозволительно приближаться на официальном приеме, не будучи должным образом представленной, или же решительно не придавала этому никакого значения – он помнил лишь, что вел милую беседу, пребывая в приятном легком подпитии, как вдруг заметил ее рядом с собой. И она улыбалась ему с таким видом, словно, кроме них, в комнате больше никого не было.

– Добрый вечер! – жизнерадостно воскликнула она, и ее зеленые глаза заблестели. – Прекрасный выдался денек, вы не находите? На меня произвел неизгладимое впечатление прием, оказанный Элизе в Хеленамаре.

– К ней отнеслись весьма достойно, – вежливо отозвался Лео.

Столь смелое поведение этой особы ничуть не удивило его, тогда как его спутники, все как один представители высшей знати Алусии, смотрели на нее, как на диковинку из бродячего цирка, и вид у них был такой, будто нарушение ею королевского этикета следовало изучить со всем тщанием и осудить. Так, например, глаза леди Брюнеллы Фортенгоу округлились от изумления, и она уставилась на Лео с таким видом, словно полагала, что им грозит моровая язва и что он непременно должен что-либо предпринять по этому поводу.

Увы, но предпринимать здесь было решительно нечего, что Лео усвоил задолго до этого вечера. Под неодобрительным взглядом леди Брюнеллы сестра Хока ловко подхватила бокал шампанского с подноса проходящего лакея, мимоходом обронив:

– Боже, что я делаю? – словно ожидала ответа от бедолаги. – Я уже выпила бокал шампанского на завтраке в честь бракосочетания, но, к моему разочарованию, оно совершенно выдохлось. А это вы не пробовали? – осведомилась она, поднося фужер к носу.

Лакей покраснел до корней волос:

– Нет, мадам.

Отпив маленький глоток, она задумчиво прищурилась и запрокинула голову, смакуя напиток, мило улыбнулась лакею и объявила, что шампанское – божественное. После чего предложила бокал леди Брюнелле, заявив, что та непременно должна оценить прекрасный букет.

Судя по нахмуренным бровям леди Брюнеллы, та отнюдь не нуждалась в том, чтобы эта крайне непосредственная англичанка говорила ей, что она «положительно обязана попробовать» шампанское, и, когда она осведомилась у Лео, не желает ли и он отведать шампанского, он решил, что пришла пора избавиться от навязчивой особы.

– Благодарю вас, но я подожду, пока не появятся король с королевой.

Она звонко рассмеялась:

– В таком случае вам предстоит долгое ожидание, разве нет? Вчера они совсем не спешили явить себя гостям, не правда ли?

– Прошу прощения? – Он кивком отослал лакея прочь.

– Это была шутка, – сказала она. – Правда, они действительно прибыли с опозданием. – И, под изумленными взглядами его друзей, которые никогда бы не осмелились пошутить насчет медлительности короля и королевы, пояснила, жестом указав на себя и Лео: – Мы уже знакомились.

– Не совсем так, – возразил тот.

– В Англии, – с дерзкой улыбкой уточнила она.

– Пожалуй, мимоходом, – вежливо заметил он, досадуя на нее за то, что она посмела настаивать – против всех правил приличия – на случайном знакомстве во время вечеринки в загородном особняке в Чичестере.

Как, скажите на милость, он мог запомнить всех, кого видел в том доме? Учитывая, сколько он тогда выпил, удивляться следует уже тому, что он вообще припомнил Чичестер. Едва заметным жестом он поманил старшего лакея, и тот ловко вклинился в разговор:

– Мадам, прошу вас, – предложил лакей, неопределенно махнув рукой в сторону ее места.

Поначалу, когда свадебные церемонии только начинались, Лео счел сестру Хока наивной особой, кем-то вроде неотесанной деревенщины, попавшей на роскошный прием в высшем свете. Но, чем дольше он наблюдал за нею в ходе торжеств, тем больше убеждался в том, что неустрашимый дух в ней соседствовал с толикой высокомерного нахальства, капелькой бесцеремонности и солидной порцией панибратства по отношению ко всем, с кем она вступала в беседу, заслуженно или нет, причем все это действо сопровождалось милой улыбкой и смешинками в зеленых глазах.

Она принадлежала к числу тех людей, коих придворные категорически не жаловали в своем кругу. Обычно эту публику изрядно раздражали те, кто привлекал такое внимание, какого они добивались по отношению к себе. А когда центром внимания оказывалась иностранка, да еще красивая и назойливая, они готовы были смешать ее с грязью просто из принципа.

Наконец, под звуки труб и приветственные крики толпы, кортеж свадебных экипажей прибыл во дворец и высадил гостей, обряженных в обременительные военные мундиры и увешанных знаками отличия. Членов королевской фамилии и их друзей препроводили в малую приемную залу, где Бас и Элиза должны были встречать иноземных сановников.

Будучи представленной королю и королеве в салоне, под сверкающей всеми огнями хрустальной люстрой, Элиза присела в реверансе, который давался ей куда лучше прежнего. Когда она только приехала в Алусию, имела привычку сильно наклоняться вперед, и Лео боялся, что она просто опрокинется, если присядет еще чуточку ниже.

Бас сиял, как новая монета. Еще никогда в жизни Лео не видел своего мужественного брата таким довольным и счастливым. Он всегда оставался весьма сдержанным и преисполненным достоинства. Придворные обычно говорили в таких случаях, что в этом и заключается разница между братьями, одного из которых воспитывали как будущего короля, а другого – нет. И если Баса учили вести себя прилично, то Лео учился наслаждаться жизнью.

Бас ухватил Лео под руку и крепко сжал ее, широко улыбаясь.

– Теперь я – женатый человек, Лео.

– Ну ты даешь, Бас! Я стоял рядом с тобой, когда это случилось.

Бас расхохотался, как если бы Лео сказал что-то очень смешное. Выражение его лица напомнило Лео случай, произошедший много лет тому назад, когда оба были еще детьми и жили под заботливым присмотром гувернанток и наставников, и лишь изредка – своих родителей. Тогда они наткнулись на целый выводок черно-коричневых лопоухих щенков в мешке, от которых кто-то явно вознамерился избавиться. Когда же они освободили страдальцев из плена, то попали в настоящую осаду – те тыкались в них носами и яростно виляли

хвостиками. Находка привела Себастьяна в полный восторг, и по сей день Лео помнил искреннюю радость Баса, когда тот улегся на спину и позволил щенкам барахтаться подле себя, сражаясь за право облизать ему лицо.

По настоянию Баса щенки вернулись во дворец, и каждый из них обрел свой новый дом. Один из них стал постоянным спутником Баса и скончался мирной собачьей смертью четырнадцать лет спустя. И сейчас Бас привязался к Элизе в точности так же, как когда-то к Понту.

– Ты только взгляни на нее! – сказал Бас, кивая куда-то за спину Лео.

Принц обернулся, и взгляд его упал на маленькую группку женщин, среди которых были и его свояченица, миссис Ханикатт, какая-то алусианская наследница, которую он встречал раз или два, и, разумеется, сестра Хока. Она помахала ему с таким видом, словно они разлучились минуту назад на деревенской ярмарке.

– Она – красавица, – сказал Бас. – До сих пор не могу поверить в то, что нашел ее. Не говоря уже о том, что женился на ней.

Лео тоже не мог в это поверить, если быть совсем уж откровенным. Элиза Триклбэнк и девицы из круга ее общения были настолько далеки от того типа женщин, которых они с Басом могли бы взять в жены, насколько это вообще возможно. Лео никогда не забудет, как впервые увидел ее. В скромном городском особнячке, в окружении тявкающих собачек, наглого кота и великого множества часов.

– А ведь я всегда полагал, что это будет кто-нибудь из Алусии, – продолжал изумляться вслух Бас и вдруг улыбнулся во весь рот. – Пожалуй, теперь невеста из Алусии достанется тебе.

– И думать забудь об этом, – проворчал Лео, поглядывая по сторонам. – Благодарю покорно, пока меня вполне устраивает холостяцкий образ жизни. В сущности, жду не дождусь, когда смогу вернуться к нему.

– Я-то забуду, но можешь не сомневаться, что отец скоро вспомнит. Когда ты отплываешь?

– Через два дня.

Все еще улыбаясь, Бас совершил нечто ему абсолютно несвойственное – обнял Лео одной рукой и ласково привлек к себе.

– Готов биться об заклад – как раз вовремя. Удачи тебе, Лео. А мы отправляемся в Таннемид, где я намерен залечь в берлогу и устроить себе медовый месяц хоть на несколько дней.

А потом случилось и вовсе невероятное – его чопорный братец рассмеялся и ткнул его локтем под ребра. Нечто подобное было скорее в духе Лео, и до Элизы Бас непременно попрекнул бы его за это.

– Так вот что женитьба делает с мужчиной! Превращает его в похотливого развратника, – сказал Лео.

Бас рассмеялся во все горло, и соседи стали оборачиваться, чтобы взглянуть на них, причем удивлены они были явно ничуть не меньше Лео.

Впрочем, никто не радовался за Баса больше, чем Лео, но он чувствовал бы себя намного счастливее, если бы церемония поскорее закончилась и Бас с Элизой обратили бы свое внимание на куда более важное занятие – зачатие наследника. А уж он будет вне себя от радости, когда избавится от этого тесного шейного платка и чертовски тяжелых медалей, а потом наконец примет порошок от головной боли. Но до тех пор, пока не прозвучит последняя здравица в честь молодых, не будет принят последний подарок, не будет съеден последний торт и не отзвучит мелодия последнего танца, ему придется стоически сносить внимание родителей и незамужних девиц, стремящихся устроить выгодный для себя брак. Все женщины жаждали сделать для своих дочерей то, чего Элиза Триклбэнк добилась совершенно самостоятельно и в одиночку.

Кстати, раз уж мы заговорили об Элизе, она как раз пробралась к ним сквозь толпу в сопровождении своей верной компаньонки.

– Ты должен попробовать шампанское! – воскликнула она, салютуя бокалом Басу. – Оно просто чудесное.

– А-а, дар французского посланника! – откликнулся Бас.

– Того доброго человека? Он ведь прислал нам еще и вино, не так ли? Следует подружиться с ним немедленно, – провозгласила Элиза и огляделась по сторонам, словно высматривая упомянутого дипломата.

Очевидно, для нее это был уже не первый бокал сегодня.

– Мы похожи на труппу веселых трубадуров! – воскликнула сестра Хока, приобняв Элизу одной рукой за плечи. Ее взгляд был устремлен на Лео, искрясь, как он подозревал, не меньшим количеством шампанского, нежели употребила вовнутрь Элиза. – Итак, Ваше Высочество, что скажете? – обратилась она с вопросом к Лео. – Церемония вышла превосходной, верно?

– Так и есть, – подтвердил он, одновременно спрашивая себя, сколько ему еще придется вести пустые разговоры, прежде чем удастся улизнуть.

– Я так рада, что наши мысли совпадают! Я даже начала беспокоиться о вас – вы выглядели таким мрачным, стоя рядом со своим братом.

От неожиданности он даже растерялся. Это он выглядит мрачным?

– Прошу прощения?

– Каро! – со смехом воскликнула Элиза. – Перестань!

– Но ведь это правда!

– Я уверена, что Его Высочество был весь на нервах, совсем как я, – заявила миссис Ханикатт. – Это просто ужасно – стоять перед всеми этими людьми, которые глазеют на тебя.

Ее слова изрядно насмешили Баса, и он покосился на брата.

– Так ты был в ужасе, Лео? – подмигнув, осведомился он.

Лео совсем не было страшно. Откровенно говоря, он уже с трудом сохранял вертикальное положение.

– Я наблюдал за торжественными мероприятиями.

– Торжественные мероприятия! – Сестра Хока расхохоталась, словно он отпустил забавную шутку. – Напротив, мероприятие как раз радостное! Я еще никогда не видела нашу дорогую Элизу такой счастливой. Причем настолько, что я ей даже завидую.

– Завидуешь чему? – переспросила Элиза.

– Тебе, дорогуша! Возможности пройти по проходу в церкви в ослепительном платье, как у тебя, опираясь на руку симпатичного джентльмена. Вот как вы, – и она подмигнула.

Все предпочли дружно промолчать. Лео же был поражен в самое сердце. Разве можно так откровенничать, выставляя свои самые сокровенные чувства напоказ?

Сестра Хока, окинув присутствующих внимательным взглядом, отметила их удивление.

– Что? Разве я не имею права помечтать? – Она рассмеялась. Прежде чем кто-либо успел придумать достойный ответ, она продолжала: – А девочки с цветами разве не восхитительны? – и вперила требовательный взгляд в Лео, словно ожидая его реакции.

Да что такое происходит с этой женщиной? С какой стати она прицепилась к нему с подобными разговорами? Но теперь все обернулись и уставились на Лео, словно и вправду желая узнать его мнение о маленьких девочках, которых он едва заметил. Бас лукаво улыбнулся, явно радуясь тому, что внимание всех присутствующих обращено на брата.

– Я… э-э… да. Если память мне не изменяет, – пробормотал он, отводя взгляд от сестры Хока.

Но она ничуть не утратила присутствия духа и продолжала болтать, что, как он уже понял, доставляло ей удовольствие.

– Я сказала Элизе, что ей нужны подружки невесты, но она ответила, что здесь в обычае лишь девочки с цветами, и я подумала, как бы это смотрелось в столь шикарном месте, как собор, но потом вынуждена была признать, что…

– Прошу прощения, – произнес чей-то глубокий мужской голос.

Лео не видел, как его отец присоединился к ним, пока тот не остановился за спиной сестры Хока. Что ж, у нее, по крайней мере, хватило ума умолкнуть в присутствии короля. Шагнув в сторону, она присела в реверансе.

– Ваше Величество, – торжественно прошептала она.

– У меня нет желания прерывать ваше празднество, но не мог бы я обменяться парой слов со своим сыном?

– Разумеется, – отозвался Бас.

– Нет, ты, Себастьян, продолжай веселиться. Я имею в виду своего второго сына, – сказал отец и улыбнулся Лео.

А тот мгновенно исполнился подозрений. Он с любопытством взглянул на улыбающегося отца, отчаянно жалея о том, что не успел удрать раньше. У отца редко возникала надобность побеседовать с ним наедине, обыкновенно он приберегал все важные разговоры для Баса.

– Итак, Леопольд?

– Да, – сказал тот и, кивнув остальным, присоединился к отцу, и они зашагали прочь.

В уголках глаз короля собрались морщинки от улыбки, что обычно свидетельствовало о том, что Его Величество пребывает в крайне благодушном расположении духа. Словно в подтверждение этого, король сказал:

– День прошел превосходно во всех смыслах. Мы с твоей матерью не нарадуемся, глядя на Баса, который наконец-то сочетался законным браком. – Он вновь улыбнулся, но при этом повернул голову и искоса взглянул на Лео.

Деланая веселость отца не могла обмануть Лео, и в животе у него завязался тугой и холодный узел. Обыкновенно ему удавалось избегать неприятного разговора с королем, каковой, в чем он прекрасно отдавал себе отчет, рано или поздно неизбежно состоится, но сейчас, со всеми этими свадебными торжествами, выпивкой и этой красивой, но надоедливой женщиной и ее бесконечными разговорами о девочках с цветами и прочем, он, похоже, забыл об осторожности и непозволительно расслабился.

Отец остановился подле одного из больших окон. Снаружи по-прежнему бурлила огромная толпа, надеясь хотя бы одним глазком еще раз увидеть новобрачных.

– Теперь, когда наследный принц женат, – заговорил король, придвигаясь к Лео и не переставая при этом улыбаться, – мы с твоей матерью решили, что должны обратить внимание на тебя.

– Что? На меня? – Лео вдруг почувствовал себя совершенно беззащитным, как если бы отправился на войну без доспехов или даже меча. – Но я… Через два дня я отплываю в Англию, – быстро напомнил он отцу.

А тот продолжал улыбаться как ни в чем не бывало. Жестом подозвав проходящего мимо лакея, он взял у него с подноса два высоких бокала с шампанским и протянул один Лео. Тот даже не сообразил, что делает, пока не увидел искрящийся напиток у себя в руке. Он был захвачен врасплох и оказался совершенно неподготовленным к тому, что отец, когда в журнале записей актов гражданского состояния еще не высохли чернила, воспользуется приватной свадебной вечеринкой Баса, чтобы затронуть больную тему.

– Выслушай меня, Леопольд, – добродушно заговорил король, увлекая сына в сторонку. – Я вовсе не желаю доставлять тебе неприятности или причинять боль. Но ты должен знать, что определенные переговоры уже состоялись.

В голове у Лео зазвучали тревожные колокола. Зазвучали громко, набатным боем. Это что же получается, его женитьба не должна доставить ему неприятностей и причинить боль? Послушать отца, так речь идет о том, как

удобнее организовать случку для породистого кобеля, – а вот сам Лео не видел ничего легкого или безболезненного в том, чтобы на всю жизнь приковать себя кандалами к женщине, с которой он был едва знаком. Определенные переговоры уже состоялись? С кем это, хотелось бы ему знать? Уж, во всяком случае, не с ним.

– Я бы предпочел…

– Мы добились определенного прогресса во взаимоотношениях с Веслорией, не правда ли? – быстро продолжил отец, не давая Лео возможности увильнуть от разговора.

Узел у него в животе стал еще туже. Неужели они действительно добились прогресса? Ведь не прошло еще и года с той поры, как веслорианцы и предатели из Алусии организовали заговор с целью похитить Баса. Две страны разделяла долгая история войн и взаимного недоверия, но отец явно имел в виду недавние попытки ослабить существующее напряжение между двумя соседними королевствами.

А ведь в основе всех противоречий лежала судьба двух сводных венценосных братьев. Когда отец Лео, король Карл, взошел на трон около сорока лет тому, дядюшка Феликс был изгнан из Алусии… главным образом потому, что полагал, будто имеет больше законных прав на корону и скипетр, нежели Карл.

Корнями вопрос о праве на престолонаследие уходил в гражданскую войну шестнадцатого века, когда Шартье впервые захватили трон. Предки Феликса, Обероны, проиграли ту войну и бежали в Веслорию, попутно оказывая поддержку веслорианским монархам и знати. Они с давних пор утверждали, что право Шартье на корону Алусии далеко не столь законно, как их собственные притязания, и на границе между обеими странами вот уже долгие годы постоянно происходят кровавые стычки и перестрелки.

Феликс и Карл стали результатом попыток деда Лео восстановить союзнические отношения между государствами после смерти его первой жены. Его вторая жена, дальняя родственница и Оберон по крови, оказалась той еще интриганкой, задумавшей вмешаться в борьбу за трон с рождением собственного сына. Но ее план провалился, чего, впрочем, и следовало ожидать.

А дядюшка Феликс между тем наделал много шума в Веслории. Ни для кого не было секретом, что тамошний король без его ведома не мог и шагу ступить. Феликс пообещал объединить Веслорию и Алусию под единым правлением, если ему удастся заполучить алусианский трон, и поскольку он располагал поддержкой многих лоялистов, преданных делу Оберона, то над двумя нациями нависла угроза войны. Шартье, в свою очередь, стремились пресечь деятельность всякого, кто хотя бы намекал на свои симпатии к Веслории, что вызвало открытое недовольство и затормозило экономический рост обеих держав. Еженедельно возникали новые слухи о том, что тот или иной аристократ или же состоятельный купец примкнул к заговорщикам, целью которых было свержение короля Карла.

Себастьян тоже хотел объединить Веслорию и Алусию, рассчитывая, что этому поспособствует заключение торгового соглашения с Англией. Он мечтал о том, чтобы Шартье и Обероны, равно как и их соотечественники, действовали сообща ради индустриализации и процветания их стран, а не военной разрухи.

К несчастью, далеко не все разделяли его стремление к прочному миру. Во время пребывания Себастьяна в Англии на родине был раскрыт заговор, в котором оказались замешаны представители правительственных кругов и в результате которого был убит личный секретарь наследного принца. Но, согласно поговорке «не было бы счастья, да несчастье помогло», брат Лео встретил Элизу и полюбил ее всем сердцем.

И сегодняшний день стал самым счастливым для него, но угроза войны и попытки переворота по-прежнему висела над королевской фамилией за увитыми плющом стенами дворца. О ней никто не забывал ни на минуту. И в первую очередь сам король.

– Мы сможем добиться большего прогресса для Алусии, если станем действовать заодно со здравыми силами в Веслории, – заявил отец, поглядывая по сторонам.

– Здравыми силами в Веслории?

– С теми, кто не испытывает желания объединяться, – продолжал король, окидывая внимательным взглядом залу. – Сохранение прежних границ и собственного суверенитета сулит нам многочисленные выгоды.

Лео не знал, в чем заключаются эти выгоды, да это ничуть его и не интересовало. Он также предпочел бы не знать и о преимуществах, которые давал суверенитет. В его представлении это были ненужные сложности.

– Один министр веслорианского кабинета стремится обеспечить для своей страны новые торговые и экономические преференции. Он занимает пост министра труда, и есть все основания полагать, что он станет следующим премьер-министром. – Отец смешно пошевелил бровями. – И женитьба на его дочери принесла бы нам много пользы.

Нам. Отец произнес это слово без малейших колебаний или намека на иронию, словно родители Лео и даже Бас с Элизой пойдут вместе с ним по проходу к алтарю.

– Понимаю, – отозвался Лео, отчаянно стараясь найти выход из щекотливого положения, в котором оказался. – Но я не…

– Ты познакомишься с нею нынче же вечером, на балу. Причем постараешься сделать это публично, у всех на виду. И станешь танцевать с нею.

Лео почувствовал, как кровь, еще оставшаяся в нем после давешних возлияний, отхлынула от рук и ног. Значит, все это действительно было обговорено заранее.

В каком-то смысле происходящее казалось ему унизительным. Хотя в юности он как раз и жаждал подобной ответственности. Он желал быть принцем не на словах, а на деле, хотел приносить пользу. Но отец возложил всю реальную ответственность на Баса. Лео до сих пор помнил, как ему отказали во вступлении в кавалерию, поскольку туда уже поступил Бас. Он до сих испытывал горечь оттого, что умолял отца поручить ему настоящее дело, а вместо этого его назначили покровителем городских глашатаев. Глашатаев, будь они прокляты.

Были и прочие оказии, и в какой-то момент Лео перестал стремиться к тому, чтобы иметь достойную цель. Цели, как он усвоил, отныне ставил перед собой только Бас.

– Разве тебе не хочется узнать, кто она? – весело поинтересовался отец.

Король гордился достигнутыми договоренностями, и чувства, которые Лео испытывал по этому поводу, явно для него ничего не значили. Принц лишь передернул плечами в ответ.

– Леди Евлалия Гаспар.

Лео не знал никаких Гаспаров, тем паче Евлалий.

Отец холодно улыбнулся, отметив отсутствие у сына малейшего энтузиазма, и положил руку ему на плечо, а потом сильно сжал его, словно Лео был все еще сопливым ребенком.

– Все уже обговорено, Леопольд. Мы намерены сделать официальное заявление, как только ты вернешься из Англии с вещами, причем задолго до конца лета. Несколько недель ты будешь должным образом ухаживать за нею, а к концу лета мы официально объявим о помолвке. Словом, ты можешь считать себя обрученным.

– Я должен считать себя обрученным еще до того, как хотя бы увижу ее? До того, как хотя бы поцелую? – холодно осведомился Лео.

Отец вздохнул и убрал руку с его плеча.

– Ты прекрасно знаешь, как достигаются подобные договоренности. Мы с твоей матерью требуем от тебя совсем немногого, но мне нужно, чтобы ты сделал так, как я велю.

В том, что от него требовалось очень немногое, и заключалась главная причина недовольства Лео.

– Это совсем не то же самое, что попросить меня выгулять твою собаку, – возразил он.

– Сын, – строго произнес король, – ты всегда знал, что такой день обязательно настанет. И не делай вид, будто я приказал отрубить тебе голову. Это всего лишь женщина, черт возьми.

Всего лишь женщина. Не жена, даже не спутница жизни. Просто женщина.

– А теперь ступай и любезно побеседуй с посланником Веслории. – Отец кивком указал в сторону дипломата. – Спроси его о лошади – он уверяет, что она скачет быстрее любой лошади в этой части света. – Отец вдруг подмигнул сыну, что было совершенно ему несвойственно, и отошел от него, потягивая шампанское, чтобы затеряться в толпе людей, ищущих его внимания.

Лео же остался на прежнем месте, уязвленный и взбешенный. Отец был прав – он всегда знал, что этот день когда-нибудь настанет. Но он-то думал, что сначала состоится хоть какое-нибудь обсуждение и его желания тоже будут учтены.

Ему нужно было срочно выпить, и он посмотрел по сторонам в поисках лакея. Только не вино, благодарю покорно. Что-нибудь покрепче. Джин. Или виски.

Он развернулся, высматривая посланника Веслории, и увидел, что тот весьма оживленно беседует о чем-то с сестрой Хока. Точнее, это она завладела аудиторией и жестами изящных рук оживляла рассказываемую нескольким обступившим ее джентльменам историю. Вечно она привлекает к себе внимание! Внезапно она откинула голову и громко рассмеялась.

Посланник выглядел ошеломленным и застигнутым врасплох.

Эта женщина. Общительная и громогласная. Смеялась она беззаботно; рассказывала истории, требовавшие размашистых жестов. Вот она тронула кого-то за локоть, там прикоснулась к спине. Она находилась в королевском дворце на королевском приеме и развлекалась от души, нимало не заботясь о том, как выглядит в глазах других. А он оказался беспомощным принцем, и правила общества и королевский протокол диктовали ему, что говорить, что есть и даже на ком, черт возьми, жениться. Это ему было велено завести ничего не значащий разговор о проклятой лошади с человеком, которого он едва знал и знать не желал, а она беззаботно болтает бог знает о чем.

Должно быть, Лео стоял и смотрел на нее слишком уж долго – потому что спустя некоторое время сообразил, что привлекает к себе внимание. На него смотрели с таким видом, словно хотели перемолвиться словечком. А «словечко» обыкновенно вело к необычным просьбам и знакомствам, заводить которые он

не желал.

Нет. Лео отчаянно хотелось сбежать из дворца, от всего, что было с ним связанного. Но поскольку сделать этого не мог, он решил удрать на встречу с друзьями, как и собирался.

В тщетной попытке приободриться он сказал себе, что сейчас ему нужно время. Совсем немного времени, чтобы решить, как отсрочить неминуемое хотя бы ненадолго.

Глава 3

…торжества по случаю бракосочетания наследного принца состоялись по всему Хеленамару, включая питейное заведение «Гончая», уникальное место встречи в центре старого Хеленамара, где, по слухам, бывает сам принц Леопольд. В той же «Гончей» в обществе принца Леопольда неоднократно видели и месье Бернара, пользующегося скандальной известностью подданного французского монарха, каковой, по мнению некоторых алусианцев, также участвует в заговоре наравне с веслорианцами.

Белые атласные сапожки по вечерам – таковы новые отличительные признаки каждой уважающей себя модницы Алусии. Часто их украшают бисером и лентами в тон платью, а каблуки делают настолько высокими, что случайному прохожему становится страшно, как бы леди не опрокинулась навзничь…

Дамская газета мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт

Вскоре после того, как во второй половине дня Элиза и Бас улизнули с приватного приема – несомненно, только для того, чтобы уединиться в какой-либо комнате, поскольку их неуемная тяга друг к другу приобрела скандальную известность не только во дворце, но, пожалуй, и во всем городе, – Лео тоже сумел удрать оттуда.

Он с момента своего возвращения в Хеленамар с нетерпением ждал повода вновь увидеться со старыми друзьями. Любое событие с участием членов королевской фамилии неизбежно было отягощено церемониальным этикетом, но с такой же неизбежностью этот этикет безмерно раздражал Лео. К счастью, знакомые дворцовые стражники, сопровождавшие его многие годы, давно наловчились устраивать ему подобные вылазки.

Таверна «Гончая» располагалась меж двух величественных особняков, снабженных внушительными воротами, и прямо напротив общественной конюшни. Ее отличало редкое и любопытное сочетание клиентуры – это было единственное место в Хеленамаре, где аристократы смешивались с обычными горожанами. Таверна также оставалась тем единственным заведением, где Лео не досаждали бы мужчины и женщины, которым от него требовалось что-либо. Она также была единственным местом, где он мог узнать новости о том, как живет страна, которые не были бы профильтрованы специально для него или представлены в самых радужных тонах служащими дворца. В «Гончей» властвовала голая правда и ничего, кроме правды.

Все его друзья имелись в наличии и уже успели пропустить после обеда по паре кружек эля. Едва он переступил порог, как его приветствовал дружный и восторженный рев.

– А как же вечерний кутеж? – со смехом поинтересовался Лео, кивая на пустые кружки, в беспорядке стоящие там и сям на столе.

– У нас еще куча времени, чтобы протрезветь и выглядеть презентабельно, – отозвался Франсуа, один из школьных друзей Лео, обнимая его за плечи и во все горло требуя от подавальщицы принести еще эля.

Франсуа, француз по происхождению, эмигрировал в Алусию еще в подростковом возрасте и посещал те же самые освященные учебные заведения, что и Лео с Басом. С падающей на лоб челкой темно-рыжих волос, он буквально лучился обаянием и был неизменно весел и жизнерадостен. А еще он считался хорошим рассказчиком, и сегодня принес с собой историю о забавном флирте с девушкой из танцевального зала.

Лео с друзьями выпили еще эля, подняли тосты за брата принца и его жену и стали вспоминать славные школьные деньки, то и дело хохоча во все горло над

непристойными шутками. В какой-то момент, уже ближе к вечеру, Лео вдруг обнаружил, что на коленях у него сидит подавальщица. Как она там оказалась, он решительно не помнил, но вот, пожалуйста – она преспокойно восседала там и ласково поглаживала его по затылку.

В голове у него с трудом оформилась мысль о том, что он, судя по всему, изрядно выпил. Опять.

Очевидно, Гарвел, еще один школьный приятель, пришел к тому же выводу.

– Послушай, твое высочество, а тебе не пора двигать отсюда? Разве ты не должен присутствовать на балу?

– Должен, – ответил Лео и со стуком опустил кружку с элем на стол. – В качестве брата нового герцога, сына короля и… – Он попытался собраться с мыслями.

– Надравшегося чертова принца! – заорал Волтан.

– Надравшегося чертова принца! – с готовностью подхватил Лео и поднял кружку, расплескав эль по столу.

Пожалуй, он и впрямь изрядно набрался. Причем настолько, что лишь со второй попытки сумел спихнуть с колен девчонку и обрести почву под ногами. Встав, он похлопал себя по карманам пальто и брюк в поисках монет, но не обнаружил ни одной. А-а, ну разумеется. В Алусии он не испытывал нужды в деньгах.

Голова у него кружилась, и он уже жалел, что выпил так много, но его друзья веселым смехом встретили его попытки отыскать кошель и посоветовали ему отправляться и не морочить себе голову.

– Забудь, Шартье! – крикнул Франсуа. – Мы заплатим за твой эль. Считай это нашим последним подарком свободному мужчине.

– Что ты имеешь в виду? – осведомился Лео и подался вперед, упершись ладонями в стол. – Тебе известно что-то такое, чего не знаю я?

– Только то, что известно всему Хеленамару, приятель, – отозвался тот, подмигнув, и все дружно рассмеялись. – Ладно, ступай, наслаждайся королевским банкетом, к чему обязывает тебя долг, а твои верные подданные заплатят за твой эль.

– Я – ваш должник, – сообщил он друзьям и, взмахнув рукой, отвесил им изящный поклон. – Где моя охрана? Я точно помню, что пришел сюда с охранниками.

– Мы здесь, Ваше Высочество, – сказал Кадро и коснулся рукой плеча Лео, чтобы тот сориентировался, откуда донесся голос.

Второй охранник, Артур, терпеливо стоял рядом.

Лео улыбнулся. Нет, рассмеялся.

– Вот вы где! – весело воскликнул он.

Проклятье, он все-таки напился, и теперь, если быстро не протрезвеет, сегодня вечером отец с него живьем шкуру спустит. Неудовольствие короля – страшная штука.

Лео заплетающимся языком попрощался со старыми друзьями и, Господь свидетель, даже прослезился при этом. Он пригласил их всех без стеснения заглядывать к нему в Англии, и они дружно изъявили согласие навестить его.

Лео вывалился на тихую улочку в сопровождении Кадро и Артура, подслеповато щурясь, потому что заходящее солнце светило ему прямо в глаза, но до края тротуара он все же дошел, держась более или менее прямо.

– Нет, вы только взгляните на меня, парни! – со смехом воскликнул он. – Король оторвет мне мою чертову башку, верно? – Он был еще не настолько пьян, чтобы не заметить, что никто из охранников не возразил ему.

Он посмотрел по сторонам в поисках экипажа. В Хеленамаре Лео привык, едва выйдя из двери, прямиком попадать в средство передвижения, поджидающее его. Учитывая столкновения на границе с Веслорией, появление любого члена королевской фамилии за стенами дворца сопровождалось максимальными

мерами безопасности.

– Карета, – сказал он, словно стражи до сих пор не заметили, что ее нет на месте. – Где она?

Охранники обменялись несколькими словами – что-то насчет того, что кучеру было велено ожидать чуть поодаль, дабы никто не догадался о том, что в пабе находится принц, после чего Кадро предложил:

– С вашего позволения, Ваше Высочество, я посмотрю за углом?

– Можешь смотреть где хочешь, – ответствовал Лео, тупо глядя вслед Кадро, пока тот не исчез за углом.

Позади него вдруг раздался какой-то странный шум, похожий на треск выстрелов. Артур резко развернулся в ту сторону.

– Прошу вас, Ваше Высочество, оставайтесь на месте! – сказал он и бросился в направлении звуков.

Даже будучи во хмелю, Лео сообразил, что вокруг происходит нечто очень странное и что он в одиночестве стоит посреди тротуара. Привалившись плечом к стене здания, он улыбнулся сам себе. Все-таки хороший сегодня выдался денек! Не считая, пожалуй, дикой головной боли, с которой он начался. И отцовского повеления. На несколько часов Лео сумел позабыть о нем, но теперь оно вспомнилось ему, разогнав хмельное спокойствие, обретенное им в компании друзей.

Он как раз думал о том, что именно хотел бы высказать отцу в лицо, вместо того чтобы жалко мямлить об отсрочке, и потому не замечал двух подозрительных личностей, которые устремились к нему с другой стороны улицы, пока они не оказались рядом с ним. Когда же он сообразил, что это не обычные прохожие, было уже слишком поздно – они силой потащили его в переулок рядом с таверной. Уяснив наконец, что происходит, он попытался крикнуть, подзывая охрану, но не смог издать ни звука – растерянность и неспособность твердо стоять на ногах сыграли с ним злую шутку.

Не успел он опомниться, как оказался в темном переулке с двумя мужчинами, которых никогда не видел раньше. Живот у него подвело от страха, грозя выплеснуть наружу весь эль, столь беспечно выпитый им в таверне.

– Что все это значит? – требовательно вопросил он по-алусиански.

– Прошу вас успокоиться, Ваше Высочество, – отозвался один из них, пока они тащили его в дальний, глухой конец переулка, где и попытались прижать к стене.

– Успокоиться?! – взревел он, отшвыривая их от себя. – Кто вы такие? Я имею право знать, что меня ждет! – В голове у него вдруг закружился водоворот смутных мыслей, нахлынули противоречивые чувства – страх, сожаление, нетерпение, – довольно быстро приведшие к одному-единственному заключению: то, чего он боялся, неизбежно.

– Я покараулю, – обратился один из мужчин к другому по-алусиански.

Развернувшись, он направился к выходу из тупика.

Второй неуверенно шагнул к Лео.

– Послушайте, я знаю, что мне не избежать смерти, – начал было Лео.

– Мы не собираемся…

– И если мне суждено умереть, я встречу смерть достойно и храбро, – продолжал Лео, разведя руки в стороны, всего на мгновение – ему было трудно удерживать равновесие. – Но смотрите не ошибитесь, сэр. Я буду драться до конца. Хотя вы имеете численное превосходство и я не вижу в этом переулке ничего, что могло бы сойти за оружие. – Он прищурился, глядя, как ему показалось, на кота, преспокойно сидевшего на груде каких-то ящиков. Собственная незавидная участь, похоже, ничуть не беспокоила принца. – Это что, кошка?

Мужчина обернулся посмотреть.

– Я бы надрал себе задницу, если бы мог, за то, что так безобразно напился, – заявил Лео, вспоминая о том отчаянном положении, в котором очутился, и глядя по сторонам в поисках чего-либо, чем можно было бы огреть мужчину по башке. – Клянусь, что, если переживу это похищение, больше не возьму в рот ни капли спиртного. – Он выдержал паузу. – Ладно. После сегодняшнего вечера – не возьму. Но меня еще непременно попросят произнести тост за здоровье брата.

– Ваше Высочество, – обратился к Лео по-алусиански мужчина и шагнул к нему, выставив перед собой руку ладонью к принцу.

Только тут Лео разглядел у него на рукаве зеленую повязку. Таков был веслорианский обычай – повязка или лоскут темно-зеленой материи, повязанный на рукаве или приколотый на груди, лацкане, обшлаге, дабы обозначить принадлежность к Веслории.

– Ты – веслорианец, – обвиняющим тоном заявил он. – Мне следовало самому догадаться. И вы хотите убить меня, как убили бедного Матуса. Стыдитесь! Выбрать для покушения такой неподходящий повод – свадьбу моего брата! Могли бы, по крайней мере, подождать, пока торжества закончатся. Хотя, можете мне поверить, похоже, это радостное действо будет длиться вечно…

– Ваше Высочество, пожалуйста! Мы не причиним вам вреда, – сказал мужчина, умиротворяющим жестом выставив перед собой уже обе руки.

– Хо! – продолжал бушевать Лео. – Я хоть и пьян, но совсем не дурак.

– Умоляю вас, Ваше Высочество, у нас мало времени! – Произнеся это, мужчина подступил к принцу вплотную.

Лео сообразил, что он невысок и тщедушен. Со спины он, пожалуй, даже принял бы его за подростка. Но невзрачный вид противника лишь усиливал нанесенное оскорбление – его убьет или похитит человечек в два раза меньше его.

– У нас послание к вам от Лизандра.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы одурманенный элем разум Лео сообразил, что говорит ему человечек. Лизандр. Принц растерянно заморгал. Он

попытался собрать разбегавшиеся мысли в кучу. Лизандр был человеком, который всю жизнь занимался тем, что пытался восстановить справедливость. Он был добрым самаритянином, посвятив себя помощи другим. Лео узнал о нем совсем немного после того, как тот чудесным образом сформировал и направил общественное мнение Хеленамара против работных домов, требуя их закрытия. В то время Лео как раз пребывал за границей, но, очевидно, Лизандр произвел немалый фурор на родине.

– Какое еще послание? – переспросил Лео.

– Он просит вашей помощи, – ответил человечек, похожий на сказочного карлика.

– Что? Моей? – уточнил Лео, тыча себя пальцем в грудь. – Но почему именно я? Для чего?

– Он объяснит вам все лично. И потому он со всем уважением просит вас о встрече завтра после полудня. – Мужчина улыбнулся.

С чего это он улыбается? Учитывая обстоятельства, это вызывало раздражение. Лео не мог мыслить связно, но никак не находил объяснения тому факту, что прославленный Лизандр вдруг захотел иметь с ним дело.

– Если ему нужна моя помощь, то почему он сам не пришел ко мне? Почему бы ему не присоединиться к нам и вон тому коту здесь, в переулке?

– Это решительно невозможно, Ваше Высочество. Во время свадебных церемоний вас и членов вашей фамилии оберегает целая армия. А он числится в розыске.

– В розыске! Но за что? – тупо осведомился Лео.

Он попытался вспомнить все, что было ему известно о бунтах в работных домах. Но разве ситуация не была благополучно разрешена? И разве Лизандр не был объявлен национальным героем за то, что довел до сведения короля и парламента, что рабочие со своими семьями очутились в бедственном положении?

– Он со всем уважением просит вас о встрече завтра в три часа пополудни в дворцовых садах.

Лео фыркнул:

– Значит, сюда он прийти не мог, а завтра готов встретиться в дворцовых садах?

– Стены таверн имеют множество ушей.

– А в дворцовых садах их нет? Если он не может выйти на улицу, то как рассчитывает попасть на территорию дворца? Откуда мне знать, что это предложение – не какая-то ловушка?

– Покорнейше прошу меня простить, Ваше Высочество, но я не могу ответить на ваши вопросы. У Лизандра имеются свои способы, и я не стану делать вид, будто понимаю, как он делает то, что делает. Он решил, что территория дворца является для него самым безопасным местом. Никому и в голову не придет искать его там, не так ли? И он покорнейше просит вас о встрече, без каких-либо советников и наблюдателей.

К Лео вернулись все его прежние подозрения. Что нужно от него этому человеку?

– Я ничего не знаю о работных домах! – выпалил он. – Я пребываю в полном неведении. Последние шесть лет я провел в Англии. Почему бы ему не прислать мне письмо? Почему он решил похитить меня в день свадьбы моего брата?

– Я искренне сожалею, если вы полагаете, будто вас похитили или…

– Или собираются убить, – напомнил ему Лео.

Мужчина поморщился:

– Вы должны знать, что в вашем окружении есть люди, которые готовы помешать любой его попытке снестись с вами.

Лео во все глаза уставился на собеседника. На что это он намекает? Что вокруг него кишат шпионы?

– Кто? – требовательно вопросил он.

Здоровяк, стоявший вдали, вдруг негромко свистнул. Коротышка вздрогнул.

– Завтра, в дворцовых садах, в три пополудни. Прошу вас. Это очень важно, – сказал он и поспешил к выходу из переулка.

– Подождите! – опомнился Лео. – Эй, постойте!

Но ни один из них и не подумал остановиться. Лео шагнул было вслед за ними, но опоздал, пусть и ненамного. К тому моменту, как он подошел к выходу из переулка, оба уже исчезли. Диким взглядом окинув улицу, он заметил, что к нему идет Кадро.

– Где ты был? – воскликнул Лео.

На лице Кадро отобразилось удивление.

– Мы нашли ваш экипаж, Ваше Высочество. – Он кивнул куда-то за спину Лео.

Тот резко развернулся – подле застывшей в ожидании кареты стоял Артур, мрачно глядя на нескольких человек, что собрались на другой стороне поглазеть, за кем это прибыл столь роскошный экипаж. Лео вновь перевел взгляд на Кадро, чувствуя, как смятение его лишь усилилось. Получается, его телохранители знали, что ему хотели передать весточку? Или они и сами были участниками заговора? Быть может, они и есть те самые шпионы? В Лондоне, после убийства Матуса, Бас сказал ему, что отныне не может доверять никому. Но Лео и представить себе не мог, что когда-либо это недоверие распространится на двух человек, которые вот уже несколько лет оставались его верными спутниками, пусть и нанятыми.

Растерявшись окончательно, он более не сказал ничего, а лишь развернулся и широким шагом направился к карете. Ритм его походки был куда увереннее, чем тот, в каком билось его сердце, выгоняя наружу остатки опьянения.

Оказавшись в уединении экипажа, Лео откинулся на подушки и смежил веки. В затылке угнездилась тупая боль. Нет, это нелепо. Он не станет ни с кем встречаться завтра в дворцовых садах! Он злился оттого, что его с такой легкостью загнали в угол, и клял себя за собственную беспечность.

Ярость смешалась с элем, и рот его наполнился горечью.

Глава 4

…Их Величества, король и королева Алусии, дали бал в честь бракосочетания наследного принца Себастьяна и леди Элизы Триклбэнк в Константиновском дворце. В качестве гостей на него были приглашены сановники и главы европейских и азиатских государств, равно как и многочисленные представители английской знати.

Свадебный торт, украшенный голубками из марципана, словно бы порхающими вокруг него, имел пять ярусов и три фута в высоту. Гостям были предложены яства из первосортной алусианской говядины и Krantanhange, деликатеса из картофеля, лука-порея и спаржи. На балу играл оркестр из десяти музыкальных инструментов, развлекая присутствующих алусианскими танцами, а завершился бал стандартным набором из английского вальса и менуэта.

Братство принцев выдвинуло на первую роль нового завидного холостяка. Судя по тем взглядам, что бросали на него многочисленные алусианские наследницы с искусно подведенными тушью глазами, и тому, как они увивались вокруг этого веселого и жизнерадостного добряка, вполне можно предположить, что в самом скором времени в Хеленамаре вновь зазвучат свадебные колокола.

Следует отметить, что алусианские дамы не чураются косметических средств в попытках улучшить собственную внешность. И, восхищаясь их красотой, мы настоятельно рекомендуем применять миндальный крем для лица каждый вечер перед сном…

Дамская газета мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт

Платье, которое Каролина надела на королевский бал, было самым шикарным из тех, что она когда-либо видела. Светло-голубое с золотом, сшитое по последней алусианской моде, оно так тесно облегало ее фигурку, что она едва могла дышать. Впрочем, обращать на это внимание она не собиралась – платье вызовет неподдельное восхищение у столь многих леди и джентльменов, что неудобства можно было перетерпеть.

Правда, сей наряд обошелся Каро в столь умопомрачительную сумму, что ей пришлось убеждать модистку выставить за него счет двумя отдельными чеками в разные месяцы, каждый на половину суммы, чтобы ее братец Бек не догадался бы о том, сколько оно стоит на самом деле. Он имел дурную привычку выходить из себя, когда она покупала наряды и аксессуары к ним. А еще, поскольку ей не понравился готовый шлейф, новый она сшила сама. В ее глазах он выглядел настоящим произведением искусства.

Готовясь к балу, Каро надеялась вызвать у Холлис восхищение платьем, рассчитывая на ее похвалу, но та, по своему обыкновению, горбилась над бумагами, строча заметки для своего периодического издания.

Газету, выпускаемую Холлис, основал ее покойный супруг, сэр Персиваль. Его стараниями раз в месяц начало выходить консервативное издание, освещавшее политические и финансовые новости из Лондона. После его трагической гибели в результате инцидента с каретой Холлис отказалась продавать газету. Она решила, что газета должна увековечить память мужа. Однако же, совершенно не разбираясь в политике и финансах, она перевернула издание с ног на голову, посвятив его тем вопросам, которые интересовали женщин. Теперь газета выходила уже два раза в месяц, тираж ее втрое превысил тот, что существовал при сэре Персивале, и демонстрировал тенденцию к дальнейшему увеличению.

Каролина сочла, что должна сама указать ей на то, сколь сногсшибательно выглядит ее платье.

– Ты только взгляни, как оно мне идет. Я превратилась в настоящую красавицу! – заявила она, раскинув руки в стороны. – Пожалуй, мое платье ничуть не хуже Элизиного. Что скажешь?

Холлис едва удосужилась на миг оторваться от бумаг.

– Собственно, я не вижу платья – меня буквально ослепила твоя скромность.

Каролина насмешливо фыркнула:

– Кто-то же должен обратить внимание на это платье, и если не я, то кто?

– Платье и впрямь чудесное. Но Бек прав, Каро, – ты ужасно тщеславна.

– Ну, в этом нет моей вины, не правда ли? Мною восхищались так долго, что я не могла не поверить в свою привлекательность.

Холлис подняла голову, удивленная отсутствием смирения у Каролины.

А та в ответ звонко рассмеялась:

– Да шучу я, шучу, Холлис, хотя ты должна признать, что в каждой шутке есть доля правды. Быть может, теперь ты все-таки взглянешь на мое платье? Нет, честно, оно даже лучше твоего, а ведь я всегда считала, что у тебя – самое красивое платье из тех, что я когда-либо видела.

– Твои платья всегда лучше моих, – заметила Холлис и откинулась на спинку стула, оглядывая Каролину с головы до ног. – Ты права. Оно – чудесное. И ты – настоящая красавица.

– Благодарю тебя, – отозвалась Каролина и присела в неглубоком реверансе. Стремительно развернувшись на месте, она в шорохе юбок вернулась к зеркалу, отчего шлейф с одной стороны отстегнулся и свалился на пол. – О боже! Какая незадача.

– Иди ко мне, – позвала ее Холлис и сделала жест рукой, словно подзывая маленькую девочку. Она вновь застегнула шлейф платья Каролины на пуговицу, чтобы тот, длиною в полных двадцать футов, не волочился за нею по полу. – И помни: никаких резких движений. Когда ты вертишься вот так, он отстегивается.

– Я не верчусь, а вот ты не забудь спрятать свое перо подальше, – возразила Каролина. – Сегодня вечером мы идем на королевский бал, Холлис.

– Поскольку новобрачная – моя сестра, я помню об этом знаменательном событии, дорогая. И, как ты сама видишь, я уже одета. Но при этом не желаю упустить из виду ни единой мелочи! И для этого я записываю все, что вижу.

Темно-синие глаза Холлис решительно сверкнули. Каролина знала, что больше всего на свете той хочется, чтобы ее газету воспринимали в Лондоне всерьез.

Ах, Холлис все же очень походила на Элизу, пусть волосы у нее были настолько темно-каштановыми, что выглядели почти черными, тогда как у Элизы они отливали червонным золотом. Сестры были по-настоящему красивы. И, не будь Каролина так сильно привязана к ним, она, пожалуй, могла бы проникнуться завистью.

– Знаешь, дорогая, – с лукавой улыбкой заговорила она, – если бы ты хоть на минутку оторвалась от своих записей, то на таком празднике запросто могла бы встретить своего единственного и неповторимого.

Холлис сдавленно ахнула, словно Каролина отвесила ей звонкую пощечину.

– Как ты можешь даже помыслить о таком! Персиваль был моим единственным и неповторимым, Каро, и другого не будет! Невозможно второй раз в жизни обрести такую любовь, какая была у нас с ним.

Каролина поспешно отвернулась, чтобы Холлис не увидела, как она выразительно закатывает глаза. Она отзывалась о своем покойном супруге так, что женщины всего мира должны были удавиться от зависти и отказаться от мысли встретить настоящую любовь, поскольку Холлис и Перси похитили ее, и более никто на свете не сможет испытать нечто подобное.

Тем не менее кое-кто – и Каролина в том числе, говоря совсем уж откровенно, – верил, что прелестная вдова Ханикатт обрела вторую любовь в лице своего верного мажордома Донована. Все, кому случалось побывать в доме Холлис, отмечали, как красив настоящей мужской красотой и отлично сложен ее дворецкий. Или камердинер. Или повар – Донован был хорош в любой ипостаси. Сама Холлис выражалась на сей счет весьма туманно, зато Донован был предан ей до гробовой доски. Каролина предполагала, что его и Холлис связывают тайные романтические отношения. На месте Холлис она бы точно не устояла.

Нет, разумеется, женщина ее положения и статуса не стала бы открыто демонстрировать свою связь со слугой, но вот за закрытыми дверьми… В конце концов, Холлис была вдовой.

– Лучше думай о своем единственном и неповторимом, – проворчала себе под нос Холлис.

Каролина ничего не ответила. Она решила, что это вполне возможно – в конце концов, там будут присутствовать важные джентльмены всех мастей. В том числе и этот злосчастный принц Леопольд, который вечно выглядит отстраненным, словно полагает себя выше всех присутствующих. Ладно, она готова согласиться, что, благодаря своей исключительно смазливой внешности и по праву рождения он действительно выше многих, но, ради всего святого, он все-таки не король! Ну да бог с ним. Она больше не станет думать о нем. Она и так слишком много думала о нем на протяжении последних нескольких недель, когда ей следовало бы занять голову куда более важными вещами.

Каро вновь принялась изучать свое отражение в зеркале, отрабатывая движения и наклоны то в одну сторону, то в другую, причем не только из-за своего шлейфа, но и из-за декольте, которое, Господь свидетель, было таким глубоким, что любой гость бала мог разглядеть ее пупок.

Бек будет очень недоволен. Эта мысль заставила ее улыбнуться.

А еще она нисколько не сомневалась в том, что, как только принц Леопольд ее увидит, ее фигура приведет его в восторг… если к тому моменту он уже не будет пьян в стельку. Кажется, он регулярно злоупотребляет горячительными напитками.

Сейчас ее заботило, как сделать так, чтобы принц увидел ее. Не то чтобы это было так уж важно, но ведь тут что главное? Принцип. Они стали практически родственниками, и тем не менее у нее сложилось твердое убеждение, что ему не было до нее никакого дела. И она никак не могла взять в толк почему. Она ведь не совершила ничего предосудительного. Не распространяла о нем гадких слухов. Не допустила никакой бестактности в его присутствии.

Она даже ни разу не смогла остаться с ним наедине – он был постоянно окружен лакеями, алусианскими джентльменами и женщинами. Очень и очень многими

женщинами. Ну почему их так много на этом свете?

Каролину охватило беспокойство. Она не находила себе места, и точно так же, как Холлис невозможно было убедить не делать записей, так и она не станет смиренно ждать появления Бека. И поэтому она вышла из их апартаментов и отправилась побродить по коридору, чего Холлис, похоже, даже не заметила.

За минувший месяц Каролина обнаружила, что коридор верхнего этажа в одном месте огибает проем, ведущий к стеклянной башенке на крыше, через которую свет попадал на нижние этажи. И, перегнувшись через балюстраду, можно увидеть вход в эту часть дворца, находящийся двумя этажами ниже.

Ее с Холлис и Беком поселили в приватном крыле дворца, где жили гости членов королевской фамилии и некоторые дальние родственники. Каролине нравилось наблюдать за тем, как приходят и уходят другие люди, самой оставаясь незамеченной, поскольку столб солнечного света мешал снизу разглядеть верхний этаж. Стоя здесь однажды вечером, она увидела, как в сопровождении королевского конюшего прибыла леди Сенрия Феррассен и как при расставании они украдкой обменялись быстрым поцелуем. Еще одним ветреным днем она заметила, как в холле встретились три горничные и принялись о чем-то оживленно перешептываться, но тут же стремглав бросились врассыпную, едва порог переступила леди Сенрия, раскрасневшаяся и с растрепанной прической.

Каролина уже была одета для бала и потому не стала идти дальше привычного места у балюстрады, став невидимой у всех на виду. Она хотела, чтобы все обратили внимание на ее платье в тот момент, когда она войдет в бальную залу, чтобы произвести, так сказать, наилучшее впечатление. Но в этот час, однако, большинство приглашенных или готовились к вечеру, или уже направлялись к главной бальной зале дворца. Так что смотреть внизу было не на что, за исключением случайного лакея или горничной, поспешно пересекавших выложенный черно-белой мозаикой мраморный пол.

Ей вскоре прискучило это занятие, и она уже поворачивалась, чтобы уйти, когда входные двери распахнулись и внутрь вошел мужчина. Остановившись посреди холла, он запустил руки в свои густые каштановые волосы, после чего опустил их на талию. К своему неописуемому удивлению, она узнала в мужчине принца Леопольда. И что он делает здесь в такой час, одетый крайне неподобающим образом? На нем было простое штатское платье, волосы его пребывали в беспорядке, к тому же он явно нетвердо стоял на ногах, словно только что

услышал крайне неприятные новости. А потом, совершенно неожиданно, он вдруг запрокинул голову и посмотрел наверх.

Своими ярко-синими, как морская гладь, глазами он смотрел прямо на нее, и Каролина почувствовала, как под его взглядом по телу ее пробежала дрожь. Тихонько вскрикнув от удивления, она отпрыгнула от перил, прижав руку к сердцу. Но потом столь же стремительно прянула обратно и вновь перегнулась через балюстраду, глядя вниз. Он все еще оставался на месте и вдруг улыбнулся ей столь очаровательно и с такой теплотой, что на миг у нее перехватило дыхание. Он на самом деле улыбался ей. И она вдруг ощутила, как ее губы складываются в счастливую ответную улыбку. Тело ее отозвалось на происходящее самым невероятным образом – она ощутила разливающийся внизу живота жар, счастливо рассмеялась и тоненько ахнула.

– Судя по всему, вы застали меня врасплох, – окликнул он ее.

Каролина хихикнула. В кои-то веки она не нашлась что ответить. Согласиться – значит, признать, что она шпионила за ним. Лучше уж она скажет, что случайно проходила мимо или…

– Надеюсь, я не вверг вас в смущение, – ответил чей-то до боли знакомый голос.

Каролина снова ахнула и отпрянула от перил. Голос принадлежал ее брату и доносился он с этажа прямо под нею. Очевидно, он поднимался наверх, чтобы забрать ее. Она также сообразила, что столь блаженной улыбкой принц приветствовал отнюдь не ее, а ее брата. Он улыбался Беку! Чертов Бек! Вечно путается под ногами!

– Можно и так сказать, – согласился принц.

– Собираетесь на бал, верно? Как я понимаю, в карточной комнате намечается игра с высокими ставками.

Каролина поспешила прочь по коридору, ступая едва ли не на цыпочках и проклиная шорох своих юбок. Она не расслышала, что ответил принц, потому что кровь гулко стучала у нее в ушах.

Она буквально ворвалась в апартаменты, которые делила с Холлис.

– Господи, Каро, посмотри, что ты наделала! – сердито вскричала Холлис, резко поднимаясь из-за стола. На листе бумаги перед ней расплывалась большая клякса.

– Мне ужасно жаль. – Каролина прижала обе руки к груди в тщетной попытке унять сердцебиение и пытаясь прийти в себя.

Интересно, где был принц, одетый таким вот образом? Она уже спрашивала себя, что с ним случилось на приеме. Она как раз рассказывала веслорианскому посланнику в Англии о вечеринке в загородном доме, о том, как лошадь со всадником вдруг понесла, и спасать его отправились сразу четверо джентльменов, когда отметила, что краем глаза больше не видит принца Леопольда поблизости. Повернувшись, чтобы осмотреться повнимательнее, она обнаружила, что его нигде не было видно. Он исчез, растворился в воздухе, а она ничего не заметила! Не то чтобы она следила за каждым его шагом – ничего подобного не было и в помине. Она просто отличалась некоторой… наблюдательностью.

Он отправился на тайное любовное свидание. Ну конечно! Какая еще причина могла заставить его покинуть дворец в такой день? И из-за чего еще он мог вернуться обратно с таким видом, словно только что выпал из постели прямиком в свои башмаки? Неужели все мужчины постоянно сексуально озабочены?

Вслед за громким стуком дверь распахнулась и в апартаменты неторопливой, фланирующей походкой вошел Бек. Остановившись у порога, он окинул Каролину и Холлис внимательным взглядом.

– Я надеялся, что кто-нибудь зашел за вами и умчал вас на бал, который вы намерены почтить своим присутствием, и мне не придется заниматься этим самому. Увы, мечты мои разбились вдребезги.

– Добрейшего вечерочка и тебе, Бек, – жизнерадостно пропела Холлис.

– Я предпочитаю обращение «милорд», Холлис, но я извиняю тебя в свете того, что ты явно пребываешь в умоисступлении от счастья своей сестры, только что вступившей в брак.

– Где тебя носило? – пожелала узнать Каролина. – Я жду тебя уже незнамо сколько времени.

– О чем ты говоришь? Разве я не дал тебе достаточно времени налюбоваться на себя в зеркале? – парировал он. – Вы готовы?

– Разве это не очевидно? Я давно готова. Мы обе готовы. Мы ожидали тебя еще полчаса назад. – Она в очередной раз поправила волосы перед зеркалом.

– Покорнейше прошу прощения, но у меня была встреча с моими алусианскими друзьями. Приятные люди, должен заметить. А что случилось с корсетом твоего платья, Каро? Такое впечатление, что он попросту отсутствует.

– Ты встречался с друзьями? – осведомилась Каролина, вопросительно выгнув бровь и надеясь отвлечь его внимание от того факта, что корсет и впрямь потерялся и, более того, она не намерена его искать. – Какими друзьями? Какого пола?

– Одного из двух. Это что, очередное новое платье?

Она выразительно закатила глаза.

– И ты еще спрашиваешь! Разумеется, это оно и есть – не могу же я надеть то, в чем уже была, – во всяком случае, не на сегодняшний бал. Даже ты должен знать об этом.

– Ты думаешь, я черпаю средства из бездонного источника? – недовольно вопросил он, опускаясь на стул. – А ты меняешь платья, словно они достаются тебе даром.

– Прошу прощения, но разве не ты только на прошлой неделе приобрел алусианскую скаковую лошадь, Бек? – поинтересовалась Холлис, захлопывая блокнот. – Ты покупаешь лошадей так, словно они обходятся тебе даром.

Бек вперил в нее обвиняющий перст:

– А тебе вообще слова не давали. Тебе никто не говорил, что это невежливо – совать нос не в свое дело?

Холлис расхохоталась:

– Много раз. Но имей в виду: если мне не разрешат высказывать свои соображения, я ведь могу изложить их и в письменном виде. Или печатном.

Постороннему наблюдателю отношения Холлис и Бека могли показаться явно недружественными, но Бек знал Холлис и Элизу столько же, сколько и Каролину. Собственно говоря, они полагали себя чуть ли не родственниками. На протяжении многих лет Холлис и Элиза проводили лето в загородном имении Хоков. Каролина была частым гостем в доме судьи Триклбэнка, их вдового отца, который относился к ней, как к дочери. А когда их матери, лучшие подруги, умерли от холеры – мать Каролины заразилась и скончалась, ухаживая за больной матерью Холлис и Элизы, – Бек повел себя с сестрами так, словно и они стали его подопечными.

Другими словами, большую часть времени он попросту не обращал на них внимания, и они отвечали ему тем же.

Бек водрузил ноги на оттоманку.

– Я чертовски устал. Эти свадебные торжества так утомляют. Кажется, я готов проспать сутки напролет…

– Нет, нет, нет, – быстро сказала Каролина. – Не устраивайся поудобнее, Бек. Мы и так уже опаздываем! Надо спешить – будет верхом неприличия появиться на балу после новобрачных. Это и тебя касается, Холлис. Все, поехали.

– Одну минуту, – сказала Холлис. – Только допишу заметку о покупке скаковой лошади. – И она лукаво покосилась на Бека.

– Неужели меня нельзя оставить в покое? – делано простонал Бек. – Ради всего святого, поедемте уже! Боже, как же я буду рад, когда вы обе выскочите замуж и я буду избавлен от этой крайне утомительной обязанности сопровождать вас повсюду.

– Что за ерунду ты несешь! – воскликнула Каролина, еще раз тщательно осмотрев в зеркале свою прическу. – Мы и есть та самая причина, по которой ты можешь посещать подобные мероприятия и не выглядеть при этом так, словно на всем белом свете у тебя не осталось друзей. Мы нужны тебе, Бек.

– Мне нужны покой и мягкая постель, – беззаботно отозвался он, предлагая одну руку Каролине, а другую – Холлис. – Давайте покончим с этим поскорее, леди. Вы ведь не против?

– Ох, Бек, ты – само очарование, – мечтательно протянула Холлис. – Стоит мне подумать, что я тебя презираю, как становится ясно, что я лишь еще крепче люблю тебя.

Когда распорядитель объявил о прибытии лорда Хока с подопечными и они вошли в переполненную бальную залу, Каролина принялась смотреть по сторонам в поисках принца Леопольда. Но после того разврата, что он устроил после полудня, его, естественно, нигде не было видно.

Его отсутствие вызвало у нее совершенно необъяснимую досаду. Разве не должен он находиться здесь, в центре внимания, и исполнять свой долг в качестве брата жениха? Вот-вот должны были прибыть принц Себастьян и Элиза, а его братец не удосужился явиться вовремя!

И почему он вошел в приватное крыло дворца с таким видом, будто дрался с кем-то? Впрочем, здесь уже были король с королевой, как и великое множество алусианских аристократов, с коими Каролина свела знакомство за месяц своего пребывания в Хеленамаре.

Ладно, оставим это – Каролине нет до этого никакого дела. Когда бы он ни соизволил явиться на бал, она нисколько не сомневалась, что ее ослепительное платье и несомненная красота его обладательницы заставят его обратить на нее внимание. Но тогда, разумеется, он безнадежно опоздает. Потому что к тому времени ее будет окружать толпа поклонников, и для него в ее танцевальной карте попросту не останется места. В конце концов, у нее есть чем вызвать восхищение у окружающих. Этого у нее не отнять.

Она убедилась, что шлейф пристегнут надежно, и величественно направилась навстречу будущим обожателям.

Глава 5

…учитывая ту шумиху, что породило столь грандиозное событие, как королевская свадьба, большинство вполне удовлетворилось бы присутствием на торжествах. Но для семей некоторых молодых женщин королевский свадебный бал стал прекрасной возможностью начать разговоры о новой свадьбе в королевской фамилии. Увы, хотя принца Леопольда видели танцующим не менее чем с дюжиной таких юных красавиц, ни для кого не является тайной его обручение с певчей птичкой из Веслории, о чем вскоре будет сделано соответствующее заявление.

Но подобные известия отнюдь не помешали единственному оставшемуся в Алусии принцу-холостяку раньше всех покинуть бал…

Дамская газета мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт

Лео потребовалось две чашки лечебного чая и прохладная ванна, чтобы он хотя бы немного пришел в себя. Нет, он по-прежнему чувствовал себя не в своей тарелке – столкновение в переулке выбило его из колеи. Первый страх мгновенной и неминуемой смерти сменился подспудным опасением, что против него затевается заговор, а потом и тягостным недоумением относительно того, что же такого собирается сообщить ему этот тип Лизандр, и он никак не мог вновь обрести почву под ногами.

Неужели в его окружение действительно затесались шпионы? А он-то надеялся, что метастазы раковой опухоли удалось удалить после убийства Матуса в Лондоне. Что дворец очистился от заговорщиков, намеревавшихся свергнуть короля. Впрочем, совсем уж наивно было бы думать, что королевские покои и впрямь удалось очистить от интриганов и заговорщиков. Тем не менее до сих пор интриги и заговоры не касались его никаким боком.

И все-таки, что потребовалось от него Лизандру?

Отмокая в ванне, Лео попытался припомнить подробности бунтов в работных домах, случившихся несколько лет назад. Лизандр был священником в одном из северных горных районов Алусии, на границе с Веслорией. В столицу он, подобно многим своим соотечественникам, приехал в поисках работы. Согласно рапортам, составленным в период мятежей, условия в работных домах показались ему унизительными и плачевными.

Однажды Лео с друзьями ехал верхом по улицам Хеленамара. Во время прогулки они наткнулись на мужчину, который стоял на перевернутом ящике и держал речь перед толпой, слушавшей его с неослабным вниманием.

– Люди умирают! – громовым голосом вещал он. – Наши граждане в работных домах не имеют вдосталь даже воды для питья и голодают!

– Он сказал «работный дом» или «публичный»? – с сарказмом осведомился Эдоард, один из спутников Лео.

Остальные дружно расхохотались. Один Лео не увидел тогда ничего смешного в происходящем и спросил себя: а что, если тот человек говорит правду?

Его заинтриговал этот крупный мужчина с копной светлых взлохмаченных волос и восхитило его несомненное мужество, которое требовалось, чтобы восстать против подобных условий. Ведь ему грозил арест и последующее тюремное заключение.

– Как вы полагаете, это правда? – спросил он у своих друзей.

– Нет, – моментально откликнулся Эдоард. – Ему нужно внимание, только и всего.

– Ему очень повезет, если он не привлечет к себе внимания полиции метрополии, – сказал Жак.

– Если Хеленамар должен стать бриллиантом в короне Европы, то разве могут существовать подобные условия труда для его граждан? – продолжал здоровяк,

обращаясь к толпе. – И если Алусия стремится к экономическому прогрессу, разве может она обращаться с простыми рабочими, как с бродячими собаками?

Толпа возбудилась и ответила ему возмущенными криками. Pane er vesi. Pane er vesi. Еды и воды.

– Но станет ли кто-либо из ваших правительственных чиновников слушать такого человека, как я? – прокричал он.

– Не-е-ет! – взревела в ответ толпа.

Лизандр покачал головой:

– Нет. Но всех нас они выслушают.

– Да, да, да, да! – начали скандировать собравшиеся.

– Поедемте отсюда, – предложил Эдоард. – Пока не стало жарко.

И только по прошествии двух недель любопытство в Лео взыграло настолько, что он нашел способ побывать в работных домах лично – правда, инкогнито. Он оказался совершенно не готов к тому, что увидел, и даже не подозревал, в каких скотских условиях живет простой люд. Работные дома – сырые, переполненные и грязные – явно не были предназначены для любопытных глаз. Люди здесь действительно страдали от отсутствия нормальной еды, одежды и крыши над головой. Их заставляли работать по многу часов за жалкие гроши. И он возмутился до глубины души. Ему вновь напомнили о том, сколь привилегированны условия его существования. Совесть его взбунтовалась.

Однажды вечером, во время приватного обеда с отцом, он заговорил об увиденном.

– Не слушай фальшивых пророков, Леопольд, – посоветовал отец. – Этому человеку нужна известность. Только и всего.

Лео вновь попытался завести разговор с отцом на эту тему, но, по обыкновению, короля не заинтересовало то, что он имел ему сказать. Он лишь улыбнулся и

обронил:

– Лучше беспокойся о своей учебе, сын.

В конце концов сложившуюся ситуацию переломила мать Лео.

– Думаю, что тебе не стоит отмахиваться от того человека, – заявила она супругу. – Он представляется мне опасным.

Лео так и не узнал, что случилось потом, – он вернулся в Англию, к своей весьма наполненной общественной жизни. Но делом занялся парламент Алусии, и в результате работные дома были закрыты. Отныне мануфактуры предоставляли своим рабочим скромное, но достойное жилье.

К концу водных процедур Лео решил, что с этого момента перестанет ломать голову над тем, чего добивается Лизандр, – просто не будет иметь с ним дела. Завтра он вообще не выйдет в сад, потому что уже через две ночи уплывет отсюда, что бы ни случилось.

Кто-то поскребся в дверь, и на пороге возник Фреддар, камердинер принца, с большим полотенцем в руках.

– Не соблаговолите ли одеться, Ваше Высочество?

Лео вздохнул:

– Хорошо. – Избежать появления на балу не удастся.

Глаза всех гостей будут устремлены на Лео, причем сегодня – в большей мере, чем обычно. Он стал новым призовым жеребцом, коего все возжелали заполучить в производители. Долгие годы он наблюдал за тем, как маялся на подобных вечерах Бас, когда ему без конца представляли самых разных женщин – низеньких и полных, высоких и тощих. Красивых и не очень. Женщин с приятным нравом и холодных, как снулая рыба. И все они жаждали окрутить наследника престола. Лео таковым не являлся, но с сегодняшнего дня превратился в наилучшую альтернативу. И не имело значения, что его отец уже провел переговоры о браке – состоятельные и привилегированные все равно

будут представлять ему своих дочерей и сестер, словно дары волхвов.

Его длинный черный официальный фрак украшали эполеты, обозначающие его армейский чин, какового он удостоился исключительно по праву рождения. Кроме того, он наденет и голубую королевскую перевязь, на которой будут прикреплены соответствующие регалии и знаки отличия. Ни одна из них не была вручена ему лично.

Эти медали служили лишь дополнением к большим орденам с бантами, приколотым у него на груди и дарованным в качестве приложения к титулу и привилегиям, а не за что-либо, совершенное им лично. Например, орден Королевской Подвязки – белая лента в форме соцветия с золотым диском и жемчугами в центре. Здесь были и другие медали, отмечающие его чин в сухопутных войсках и на флоте, пожалованные ему из-за того, что он был принцем, – равно как орден «За заслуги» и орден Смотрителя, врученные ему отцом. Ну и, разумеется, коронационная медаль отца – еще один увесистый кусок золота с темно-синей и золотой лентами, – знаменующая его рождение в качестве члена королевской фамилии.

Он был буквально увешан символами и внешними атрибутами богатства и привилегированного положения своей семьи, но при этом не совершил совершенно ничего, чтобы заслужить их. Разве это справедливо, что исключительно по праву рождения он удостоился такого состояния? Разве это справедливо, что другой ребенок, рожденный не под столь счастливой звездой, будет с момента своего появления на свет бороться с трудностями и достигнет гораздо большего, нежели он сам, но не получит ни одного драгоценного знака отличия? Продав любую из тех медалей, что красовались у него на груди, обычная семья могла бы безбедно просуществовать несколько лет.

Почему я?

Этот вопрос неоднократно занимал его на протяжении всей жизни. Ему исполнилось всего восемь лет, когда он задал его впервые. Тогда он подружился с мальчишкой, помощником конюшего. Его звали Тадд или что-то в этом роде. Пусть Лео не мог вспомнить его имени, зато отлично помнил лицо, как если бы разговаривал с ним только вчера. Они с Таддом подружились на почве любви к лошадям. Тадд многому научил его – как расчесывать гриву и хвост, как вычищать камешки из подковы.

Это была идея Лео – втихаря увести лошадь из конюшни и прокатиться на ней. Его веснушчатый компаньон поначалу не горел особым желанием поучаствовать в этой авантюре, но под нажимом Лео сдался.

Когда их поймали за таким непотребством, Тадда стащили с седла и здорово отлупили прямо на глазах у Лео, хотя принц и заливался слезами, умоляя конюшего прекратить экзекуцию. А потом Тадд просто исчез. Лео же продолжал терзаться чувством вины и глубочайшей несправедливости.

Тогда он впервые осознал, какими огромными привилегиями наделен, причем наделен совершенно незаслуженно.

В последующие годы он научился подавлять в себе подобные чувства, принимать жизнь такой, какая она есть, и благодарить за это судьбу. Это было совсем нетрудно в окружении детей аристократов, которые также получили свой образ жизни на тарелочке с голубой каемочкой. Это было легко, когда он наслаждался роскошью проводить время с друзьями или за границей. Он обленился, что случается всегда, когда огромное состояние отбивает всякое желание пошевелить хоть пальцем. От него не требовалось ничего иного, кроме как завершить обучение и не обрюхатить горничную. Что ж, это оказалось ему вполне по плечу.

Он приучился заглушать монотонную скуку и несправедливость своего существования алкоголем. И сейчас ему более всего на свете хотелось вернуться в Англию, к распутному, но счастливому образу тамошней жизни.

Появление Лео было обставлено с такой церемониальностью и ревом фанфар, что у него заломило в висках, после чего в сопровождении двух лакеев, идущих по бокам, он проследовал на возвышение, где на тронах восседали его родители. Пока он шествовал, люди по обеим сторонам кланялись ему или приседали в книксенах. Какой глупый ритуал, какая ненужная помпезность!

Рядом с королем на возвышении были установлены еще два кресла – для Баса и Элизы.

Лео чопорно и сухо приветствовал отца.

– Хорошо выглядишь, – заметил тот, окидывая сына оценивающим взглядом.

– Где ты был, дорогой? – осведомилась мать. – Ты опоздал.

– Гулял, – ответил он и наклонился, чтобы прикоснуться губами к ее щеке.

Королева Дарья выглядела по-настоящему величественно в короне, украшенной бриллиантами и сапфирами. На ее шитом золотом платье красовалось почти столько же медалей, сколько и у Лео. Она была красивой женщиной, и в детстве он обожал свою мать, зачарованный ее красотой. Он отчаянно старался добиться ее внимания и ее улыбки, однако и то и другое доставалось ему лишь изредка.

Но сейчас она улыбнулась ему и взяла его лицо в свои ладони, когда он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

– Для меня наступило самое счастливое время – мои дети рядом со мной. Не могу дождаться того дня, когда ты сделаешь меня такой же счастливой, как Себастьян сегодня.

Лео едва не застонал от досады.

– Тебе не придется долго ждать, любовь моя, – заверил ее король.

Королева подалась вперед и прошептала:

– Ты уже познакомился с леди Евлалией? Она весьма привлекательна.

В ответ Лео лишь молча покачал головой. Если он заговорит, то не сможет скрыть обуревавший его гнев.

– Она – illunis, – сказала мать, используя алусианское слово, означавшее «красивая». – Думаю, она тебе понравится.

– Будем надеяться, – согласился он, пожимая плечами.

– Вот увидишь! Мы учли твои привязанности и антипатии.

Это было нелепо. Он же никогда не говорил с отцом и матерью о своих вкусах, и если бы они действительно приняли во внимание его нерасположение, то знали бы, что происходящее ему не нравится, причем очень сильно.

– А вот и сэр Равано! – сказала королева. Обернувшись, он увидел, как к возвышению направляется ее личный секретарь. – Сэр Равано побеспокоится о том, чтобы твое знакомство с леди Евлалией состоялось должным образом.

Неужели ему даже не позволят выпить бокал вина перед тем, как начать укреплять связи между Алусией и Веслорией?

– Быть может, сначала я все-таки поздравлю счастливых новобрачных?

Его мать слегка прищурилась:

– Но ведь ты уже поздравил их, дорогой! Как и все мы. Сэр Равано, будьте любезны, – сказала она, взмахом руки отпуская Лео, как делала в детстве, когда он был еще маленьким и начинал докучать ей. Легкий жест и решительное «Ступай прочь, Лео».

Равано повел Лео через переполненную бальную залу, и двое лакеев неотступно шли следом. Это был настоящий спектакль, и люди поспешно расступались, давая дорогу процессии. Лео буквально кожей чувствовал устремленные на него взгляды и негромкий гул голосов за спиной. Когда они достигли противоположного конца залы, навстречу ему шагнула привлекательная женщина в сопровождении мужчины, ровесника его отца. Он выглядел крепким и подтянутым, с резкими и властными чертами лица, а одежда выдавала в нем аристократа. А вот женщина была столь же низенькой, сколь он был высоким. Разодетая в шелка и драгоценности, она присела перед ним в глубоком реверансе, так, как этому обучают юных леди в выпускном классе средней школы. На груди у нее красовался темно-зеленый бант Веслории. Рукав пожилого джентльмена, соответственно, перехватывала такая же зеленая лента.

Равано обратился к нему со словами:

– Ваше Высочество, позвольте представить вам леди Евлалию Гаспар из Веслории. И ее отца, герцога Брондени.

Лео поклонился.

– Ваша светлость, – сказал он герцогу. – Миледи.

Они обменялись любезностями, и герцог выразил свои поздравления по случаю свадьбы Себастьяна, после чего отошел в сторонку под предлогом того, что ему якобы нужно переговорить с сэром Равано, оставив Лео и леди Евлалию одних… если не считать аудиторию из нескольких сотен наблюдателей.

У леди Евлалии оказались маленькие глазки и полные губы, а цветом волос она могла поспорить с английским чаем. Выразительно выгнув бровь, она устроила настоящий осмотр, как если бы он был молочной коровой, которую она покупала на выставке.

– Насколько я понимаю, мы должны подружиться, Ваше Высочество, причем как можно скорее.

Он по достоинству оценил ее прямоту и то, что она не стала прибегать к унылым вопросам о том, какой он находит погоду в эту пору года, или рассыпаться в похвалах грандиозности бала.

– Согласен с вами целиком и полностью.

– Мне только недавно сообщили об этой внезапной дружбе, и в связи с этим вы позволите одну маленькую просьбу?

Он кивнул.

– Мне бы хотелось, чтобы все прошло быстро. – Она обвела взглядом бальную залу.

Лео проследил за ее взглядом и заметил, что на нее смотрит статный веслорианский капитан. Что ж, во всяком случае, она не скрывала своих истинных намерений. Он еще не решил, нравится ему подобная открытость или нет, но не мог не восхищаться ею.

– Я постараюсь, чтобы первое знакомство было таким же быстрым, как та лошадь, которой похваляется ваш посланник.

Она удивленно взглянула на него и рассмеялась:

– А ведь он действительно хвастается. Я начну первой, с вашего позволения?

– Разумеется.

– Могу я выразить восхищение по поводу того, как прекрасно выглядит сегодня ваш брат? А его новобрачная просто прелестна.

– Благодарю вас. Это очень любезно с вашей стороны.

– Она ведь простолюдинка из Англии, не так ли?

Это был не вопрос, а утверждение, с которым Лео должен был или согласиться, или опровергнуть. Он подозревал, что леди Евлалия лишь пытается поддерживать разговор ни о чем, как того требовала ситуация, тем не менее ремарка задела его. Он ненавидел такие вот невинные с виду вопросы – они не несли в себе сведений, а сразу переходили к сути: чей титул выше. Ему вдруг отчаянно захотелось оказаться в «Гончей» с кружкой эля в руках, а не играть в эти игры. Господи помилуй, как же быстро он забыл свое обещание больше не пить!

– Нет, – вежливо ответил он. – По крайней мере теперь.

Леди Евлалия снова рассмеялась.

– Верно подмечено, – живо согласилась она.

И тут в алькове над их головами неожиданно громко взревели трубы, сигнализируя о прибытии счастливых молодоженов.

– Ага, вот и они, прекрасный принц и его удачливая новобрачная! – отметила леди Евлалия, вытягивая шею, чтобы лучше видеть.

В залу строевым шагом вошли английские солдаты и алусианские гвардейцы. Они отрепетированными движениями выстроились в две шеренги, лицом друг к другу, выхватили из ножен сабли, воздели их над головами и наклонили так, что их острия соприкоснулись. Образовался своего рода арочный проход. В следующее мгновение на пороге появились Бас и Элиза. Бас был в парадном мундире со всеми регалиями, Элиза же остановила свой выбор на платье персикового цвета с пеной кружев. На голове у нее красовалась корона, взятая, как отметил Лео, из королевской сокровищницы. Ее рука покоилась на локте Баса, и со своего места Лео видел, что рука эта слегка подрагивает. Он надеялся, что когда-нибудь – как можно скорее – Элиза привыкнет к такому вниманию, на которое обречена до конца дней своих.

Вместе со всеми присутствующими в зале он послушно склонился в поклоне перед будущими королем и королевой, когда те проходили мимо, после чего, выпрямившись, повернул голову налево, следя за тем, как они подходят к возвышению. Но при этом натолкнулся на взгляд зеленых блестящих глаз сестрицы лорда Хока, которая, похоже, ничуть не сомневалась в собственной привлекательности. Как же там ее зовут, ради всего святого? Почему он никак не может вспомнить ее имя?

Лео очень нравился Хок. Несколько месяцев назад, однажды вечером, он познакомился с ним в лондонском мужском клубе, когда они оказались за игорным столом друг напротив друга. Тогда они как следует повеселились. С тех пор они встречались еще несколько раз. Но только после приезда Хока в Алусию между ними завязалась настоящая дружба. Лео проводил много времени в его обществе и уже считал Хока своим верным другом.

А вот сестра его была настоящей занозой в одном месте. Даже сейчас, когда, пожалуй, все в зале понимали, что должны предоставить ему с леди Евлалией краткий миг уединения, она улыбалась Лео столь нетерпеливо, словно готова была вприпрыжку примчаться к нему и затеять разговор.

Он старательно отвел глаза. Лео умел игнорировать многозначительные взгляды. А заодно и женщин, которые улыбались ему слишком уж призывно. Особенно тех из них, кто самоуверенно полагал, будто им достаточно захлопать ресницами, чтобы он тут же потребовал быть им представленным и готов был бросить к их ногам полцарства. Он умел игнорировать и мужчин, особенно тех, кто стремился подружиться с ним ради своей выгоды. Как и тех политиков, кто желал нашептывать ему советы на ушко.

Так что красивая зеленоглазая мисс не была ему в этом соперницей.

Бас и Элиза тем временем пересекли бальную залу, подошли к трону, и Элиза присела в реверансе. Король поднялся, сошел с возвышения и взял Элизу за руку, чтобы сопроводить ее к предназначенному для нее креслу. Бас уселся на свое место рядом с нею. Его отец жестом указал на новобрачных и захлопал в ладоши. К нему присоединились все гости в зале, дружно аплодируя и скандируя:

– Vivat regiis reginae!

Да здравствует принцесса!

Оркестр заиграл марш, и наконец-то, вопреки всем канонам, Элиза Триклбэнк официально стала леди Шартье, законным членом королевской фамилии Алусии.

– Люди смотрят на нас, – пробормотала леди Евлалия.

– Они всегда будут смотреть, – отозвался Лео, стараясь, чтобы в голосе его не прозвучала горечь.

– Полагаю, что так. Нас двоих усадили в крошечную лодочку и пустили по бурному морю дипломатии надежды, так что нам придется довольствоваться друг другом.

Что ж, по крайней мере, правила игры были ей известны.

– По всей видимости, так. – Он покосился на нее, но внимание леди Евлалии было приковано к дальней части залы, где стоял ее возлюбленный.

Лео подумал, что ему полагается быть обеспокоенным столь явным предпочтением, которое она отдавала своему капитану, стоя рядом с ним, и он действительно обеспокоился, но как-то мимоходом, потому что симпатии к этой девушке в его сердце не было. Быть может, они все-таки сумеют соблюсти условия этой дьявольской сделки, не питая никаких завышенных ожиданий. Пожалуй, ему стоит отнестись более непредвзято к…

Лео вздрогнул, ощутив, как в спину ему вонзился чей-то локоть или плечо. Обернувшись, он обнаружил, что глядит прямо в глаза сестре Хока.

– Извините меня, ради бога! – Она рассмеялась и улыбнулась столь лучезарно, что на миг Лео забыл о том, что это она налетела на него. – Какая же я неловкая, право! Я случайно наступила на свой шлейф! Ой! – Она дернула шлейф на себя и завела руку за спину, чтобы, как он рассудил, пристегнуть шлейф. – Мне очень нравятся алусианские платья, но шлейфы у них просто ужасны.

Она вновь посмотрела на него без малейшей робости, как будто не прервала его приватную беседу с леди Евлалией. В который уже раз она улыбалась и разговаривала с ним так, словно они были лучшими друзьями. У него не укладывалось в голове, как сестра уважаемого английского барона могла столь пренебрежительно относиться к правилам этикета. Не то чтобы он сам трепетно соблюдал их, равно как и те правила, коим подчинялись придворные во дворце, но то, что она врезалась в него и прервала его беседу с другой женщиной, – это уже слишком.

– Леди… – Он умолк, тщетно пытаясь вспомнить, как ее зовут. Память изменила ему, что случалось всегда, стоило ему перебрать накануне.

– Каролина, – с готовностью закончила она вместо него. – Каролина. Каролина Хок. Я – сестра лорда Хока.

Ах да, леди Каролина.

– Да, конечно. Леди Каролина. – Он наклонил голову.

Где же ее брат? А еще лучше, чтобы появился хоть один лакей с бокалом шампанского. Нет, правда, Хоку стоит получше присматривать за своей сестрой. Лео уже собрался было попросить ее привести брата, но она подалась в сторону, глядя ему за спину, и теперь ее улыбка была адресована кому-то другому или чему-то. И тогда он сообразил, что она и леди Евлалия в упор смотрят друг на друга. Леди Каролина походила на порхающую птичку, она то высовывала голову из-за его спины, то поворачивалась в попытках получше рассмотреть леди Евлалию. Совсем не так должна была пройти первая встреча Лео с будущей супругой, но у него не нашлось ни сил, ни желания прекратить ее. Он вздохнул и с большой неохотой произнес:

– Позвольте представить вас леди Евлалии из Веслории.

– Веслорианка! – с энтузиазмом вскричала леди Каролина. – Как поживаете? Я еще не встречала незамужней веслорианки. Ага, а вот и ваша капелька зелени! Удивляюсь, как это я не заметила ее с самого начала. Обычно я бываю чрезвычайно наблюдательной. Какой у вас, веслорианцев, интересный обычай – постоянно носить на одежде зеленую заплатку, право слово! Полагаю, это немножко походит на шотландский тартан. Жаль, что англичане совсем не такие. Мы должны носить ленты, подчеркивая, что мы – англичане, предпочтительно желтые, потому как это цвет счастья, а еще, говоря откровенно, он мне к лицу. Но, полагаю, это дело королевы – выбрать цвет ленты, вы не находите?

Лео попросту не знал, что сказать и как прервать неудержимый поток слов, срывающийся с губ его назойливой новой знакомой. Как и леди Евлалия, которая ошеломленно уставилась на леди Каролину. Вне всяких сомнений, ее с детства приучали к тому, что в присутствии джентльменов, а тем более принца, женщина должна вести себя скромно и хранить молчание.

– Леди Каролина Хок из Англии, – добавил Лео, что, на его взгляд, было совершенно излишне. – Как вы, без сомнения, уже сами догадались.

Леди Каролина сделала реверанс. И тут Лео заметил, что внимание всех присутствующих обратилось на возвышение, потому что Бас и Элиза сходили с него в залу. Оркестр заиграл народный танец Алусии.

– Очень рада познакомиться с вами, – продолжала леди Каролина, выпрямляясь после книксена. – И платье у вас замечательное, если мне будет позволено высказать свое мнение. Я бы спросила, как зовут вашу модистку, но вскоре я отправляюсь обратно в Англию, и, говоря откровенно, мой брат съест меня живьем, если я истрачу хотя бы фартинг на еще одно платье. – Она весело рассмеялась, словно неудовольствие брата, вызванное ее неумеренными тратами, изрядно забавляло ее. – А этот бал очень мил, вы не находите? Да и вообще, все происходящее сегодня удалось на славу, и теперь я с нетерпением жду возможности потанцевать. Это мое любимое занятие. Я обожаю танцы. А вы, леди Евлалия? А вы что скажете, Ваше Высочество?

Леди Евлалия растерянно заморгала.

– М-м… – Взгляд ее перебегал с леди Каролины на Лео и обратно; она явно пыталась понять, насколько близко они знакомы.

Лео понимал, что должен как можно скорее избавиться от этой очаровательной занозы, пока злые языки во дворце не начали болтать невесть что. Но, прежде чем он успел решить, как это сделать, леди Каролина сказала:

– Я помню, как вы танцевали в Кенсингтоне, Ваше Высочество. Особенно вам удавались прыжки.

Он что, танцевал с нею тогда? В тот вечер он выпил слишком много виски, что, к несчастью, было у него в обычае, и воспоминания о том вечере у него остались весьма смутные. Пожалуй, именно поэтому она так уверена, что они хорошо знакомы. Что ж. Вот уже второй раз за сегодняшний день он хотел дать себе пинка под задницу.

– Герцог и герцогиня начинают свой танец, – сказала леди Евлалия.

Бас и Элиза заняли свои места под одной из дюжины огромных хрустальных люстр, и толпа сомкнулась вокруг них. Леди Каролина восторженно улыбнулась – а потом ахнула:

– О боже, ее шлейф! – и буквально прижалась к Лео всем телом, словно для того, чтобы поделиться секретом. – Видите? Он расстегнулся с одной стороны. А она, похоже, даже не подозревает об этом… Ой! А вот и Холлис! Сейчас она все исправит. На самом деле она очень заботливая, наша Холлис. Как и я, кстати. Не представляю, что она будет делать без нас, когда мы оставим ее одну. Она говорила, что заведет себе горничную, но ведь это не одно и то же, верно? Увы, мы должны вернуться в Лондон. У меня много друзей, как вы сами знаете, а Холлис, в общем… – Она взглянула на леди Евлалию. – Ее отец отчаянно нуждается в ней. Он потерял зрение.

Леди Каролина производила потрясающее впечатление. Среди его знакомых не было ни одного мужчины, столь прекрасно владеющего собой и своим языком, как это получалось у нее. И Лео еще никогда не встречал женщину, которая бы с такой самоуверенностью выставляла напоказ свои чудачества.

Но сейчас она не обращала на него ни малейшего внимания, поскольку глаза всех присутствующих были устремлены на королевскую чету. Заиграла музыка, и Бас ободряюще улыбнулся Элизе, выводя ее на первые па танца. Бедная Элиза раскраснелась как маков цвет, глядя на ноги Баса и пытаясь повторить его движения.

– Господи, она такая неуклюжая, как я и боялась, – сказала леди Каролина, явно не испытывая ни малейших угрызений совести. – Но это не ее вина, на самом деле. Вы или рождены танцором, или нет, вы согласны со мной? – и она взглянула на него в ожидании ответа.

Лео промолчал. Он не посмел бы столь открыто критиковать Элизу.

– Знавала я многих дам, которые брали уроки танцев, но при этом не могли правильно и шагу ступить, – продолжила леди Каролина и состроила извиняющуюся гримаску. – Элиза старается изо всех сил, но создается впечатление, что она просто не слышит музыку.

– Бог ты мой! – проговорила леди Евлалия с улыбкой, которую даже не пыталась скрыть.

Леди Каролина заморгала, словно только сейчас сообразив, что наговорила.

– Ой! Не обращайте внимания. Если бы Элиза была сейчас здесь, с нами, она бы первая призналась в том, что танцует неважно. Она находит подобные вещи забавными.

Но, пожалуй, ей все-таки не следовало во весь голос отпускать ремарки по поводу герцогини, члена королевской фамилии, да еще и называть ее по имени при этом. Даже он не был настолько непочтителен. Лео ощутил непривычную ответственность и желание защитить свою новую невестку.

– С вашего позволения, леди Каролина, я полагаю, что вы хотели сказать «Ее Королевское Высочество».

Вместо того чтобы смутиться или даже извиниться, как он ожидал, чудесные зеленые глаза леди Каролины округлились еще сильнее. А потом она

рассмеялась. Нет, пожалуй, сначала фыркнула.

– Я имела в виду Элизу, разумеется!

Очевидно, в жилах Лео текла все-таки кровь чопорных принцев, потому что он пришел в ужас. Элиза была будущей королевой Алусии, а леди Каролина явно до конца не сознавала того очевидного факта, что даже она обязана выказывать ей уважение, которого та заслуживает. Если она желает называть герцогиню по имени за закрытыми дверьми – это одно. Но в общественном месте, на публичном мероприятии? Это было совершенно недопустимо, и он полагал, что, вмешиваясь, своей добротой оказывает леди Каролине услугу. Он развернулся к ней лицом, став при этом спиной к леди Евлалии.

– У меня нет никакого желания ставить вас в затруднительное положение, леди Каролина, – мягко сказал он, – но я надеялся, что кто-нибудь взял на себя труд объяснить вам положение вещей.

Свет дюжин свечей в люстрах у них над головами отражался блестками в ее глазах.

– Каких вещей? – осведомилась она, обведя взглядом его лицо и сосредоточившись, к некоторому смятению Лео, на его губах.

– Ваша подруга – будущая королева Алусии. И поэтому вы обязаны выказывать ей то же уважение, что и все остальные ее подданные. – Он многозначительно выгнул бровь, чтобы подчеркнуть значимость своих слов.

Какая-то часть его не верила, что это он произносит такие слова. Ведь он никогда не принадлежал к числу тех, кто полагал жизненно необходимым отстаивать внешние приличия королевской власти. Но, следует отметить, что до сих пор ему не доводилось сталкиваться со столь вопиющим нарушением этикета.

– И сюда же относится и то, как вы обращаетесь к ней… особенно на людях.

На мгновение у леди Каролины от неожиданности даже отвисла челюсть. А потом глаза ее сузились, превратившись в бриллиантовые щелочки гнева.

– Покорнейше прошу прощения, вашество. Я прекрасно понимаю, что Элиза – будущая королева, но я – ее ближайшая подруга, и потому не вам указывать мне, как ее называть. – Одна из ее пушистых бровей изогнулась и взлетела вверх, подзадоривая его бросить ей вызов.

Ее маневр попросту ошеломил его. А еще – и это следовало признать – произвел неизгладимое впечатление. С таким нахальством он еще не сталкивался. Но стерпеть подобное было нельзя, во всяком случае не здесь, не в таком месте, и потому он одарил ее свирепым взглядом, дабы она ни на миг не усомнилась в том, что вызвала у него сильнейшее неудовольствие.

– Вы должны обращаться к герцогине не иначе, как «ваша светлость», и уж точно не смеете разговаривать подобным тоном со мной.

Удивления достойно, но она ахнула с таким видом, словно это он нанес ей тяжелейшее оскорбление. Расправив плечи, она отступила на шаг и гордо вздернула подбородок.

– А вы называете своего брата «ваша светлость», а потом расшаркиваетесь перед ним и кланяетесь до земли?

– Разумеется нет. Он – мой брат, и сам я – принц крови, если вы забыли.

– Забыла! – Она звонко рассмеялась. – Не представляю, как такое возможно – вы прикрываетесь своим титулом, как щитом.

Его изумление не знало границ. Если так пойдет дальше, эта особа запросто доведет его до апоплексического удара.

– А вам никогда не приходило в голову, что это потому, что я – и в самом деле принц?

– О, я прекрасно помню об этом! – великодушно признала она. – Вы уже говорили мне об этом. В Чичестере. Хотя в том не было ни малейшей необходимости. Но в ходе нашей беседы вы несколько раз упомянули сей факт.

Опять этот Чичестер!

– Ради всего свя… – оборвав себя на полуслове, Лео оглянулся на леди Евлалию, которая вытягивала шею, чтобы не пропустить ни единого слова. Он взял леди Каролину под локоток и отвел в сторонку на несколько шагов, подальше от чьих-либо ушей. Быстро посмотрев по сторонам, он негромко продолжил: – Говоря откровенно, я не удивлен тому, что упомянул об этом, поскольку временами это решительно необходимо, и я не сомневаюсь, что тогда был как раз такой случай. Но прошу вас понять меня правильно, леди Каролина, я не припоминаю, чтобы вообще беседовал с вами о чем-либо, и уж точно не помню, чтобы нас представляли друг другу в Чичестере, не говоря уже о приватных разговорах там. Собственно, я был изрядно подшофе, чтобы помнить что-либо конкретное о том уик-энде. Это неудивительно, учитывая, на скольких званых вечерах, торжествах и домашних приемах мне довелось побывать. Вы должны понимать, что меня часто знакомят с женщинами, коих нередко бывает много, и нельзя же ожидать, что я буду помнить их всех.

Она негромко ахнула, и ее чувственные губы приоткрылись. В глазах же отразилось изумление или ярость – он бы не поручился, что угадал правильно.

– Мне ужасно жаль, если правда вас оскорбляет.

– Какая еще правда? Что вы были пьяны как сапожник?

Да, он уже слышал это прекрасное английское выражение.

– Не совсем так, но да.

– Это меня не оскорбляет, – заявила она. – Я сразу понимаю, когда джентльмен пьян, стоит мне только увидеть его. Зато меня оскорбляет то, что вы смешиваете меня в кучу с остальными женщинами, которых вам представляют часто да еще во множестве, словно выводок цыплят! Но я – не цыпленок, Ваше Высочество. Я – единственная и неповторимая.

– Цыплята! Вы просто не желаете меня слушать, – раздраженно заметил он.

Глаза ее расширились до такой степени, что он решил, будто апоплексический удар хватит как раз ее. Но нет, обошлось – она быстро пришла в себя, обретя такой вид, словно готова была вцепиться ему в глотку. На всякий случай он подобрался, готовясь отразить возможное нападение.

– Это вы решительно отказываетесь понимать меня. Уж кто-кто, а вы могли бы заметить, что я не люблю смешиваться с толпой.

Лео не знал, что сказать. Она ведь действительно выделялась из толпы. Вот и сейчас она явственно выделялась красотой и напором.

– Вы похваляетесь собственными добродетелями? – не веря собственным ушам, осведомился он.

– Я не похваляюсь ими! Я всего лишь обратила ваше внимание на то, что очевидно всем, кроме вас.

– Что, черт возьми, здесь происходит?

Наконец-то, слава всем святым, на сцену выступил лорд Хок, чтобы увести ее отсюда.

– Полагаю, Его Королевское Высочество и леди ссорятся, – с восторгом сообщила ему леди Евлалия.

Леди Каролина резко развернулась, едва не столкнувшись с братом. Хок склонил голову перед Лео:

– Ваше Высочество, примите наши с сестрой искренние поздравления по случаю женитьбы вашего брата, равно как и глубочайшие извинения за все здесь сказанное, что могло бы вызвать ваше неудовольствие. – С этими словами он взял сестру под локоток и решительно увлек ее в сторону.

Лео наклонил голову в знак того, что принимает извинения. Его переполняло негодование, а глаза этой маленькой дьяволицы так и сверкали раздражением.

Хок натянуто улыбнулся Лео.

– Вы извините нас? – Он привлек сестру к себе и решительно направился с нею прочь.

Лео пафосно, хоть и про себя, поблагодарил своего друга, глядя на то, как Хок уводит от него сестру. Но упрямая леди Каролина послала Лео многообещающий взгляд, оглянувшись на него, прежде чем растворяться в толпе.

Лео долго смотрел ей вслед, тщетно пытаясь осознать случившееся, а потом вдруг вспомнил о леди Евлалии и обернулся к ней.

Та выглядела весьма довольной.

– Ради всего святого, что это было?

– Просто она обыкновенная англичанка, – проворчал Лео. Самая дерзкая, наглая, нелепая и привлекательная англичанка из всех, кого он когда-либо встречал. О да, в одном она оказалась права – она действительно выделялась из толпы, причем во всех смыслах.

– Да уж, эти англичане… Думаю, все дело в том, что они слишком уж изолированы от остального мира на этом своем маленьком острове. И потому они не знают о том, что происходит за его пределами, – изрекла леди Евлалия.

Лео ничего на это не сказал. Сейчас он мог думать лишь о том, что леди Каролина наверняка является тяжкой ношей для своего брата, коего он считал славным малым и добрым другом. Быть может, она и красива, но в придачу к этой красоте прилагался исключительно вздорный нрав.

А леди Евлалия улыбалась во весь рот, явно наслаждаясь скандалом. Стоявшие неподалеку тоже не сводили с них глаз, и Лео подумал, что пора решать шараду формального ухаживания.

– Теперь, когда мы разобрались со всем этим, могу я пригласить вас на танец?

– Почту за честь, Ваше Высочество, – вежливо ответила леди Евлалия, как и подобает обращаться к принцу.

Чертова англичанка, чтоб ее!

Так уж вышло, что это был не последний раз, когда Лео увидел леди Каролину в тот вечер. Он заметил ее танцующей с лордом Сондерштайном. Старик буквально пускал слюнки прямо в глубокий вырез ее декольте. Она же с невыразимой скукой смотрела в сторону, словно уже тысячу раз танцевала с подобными похотливыми мужланами.

После этого он видел ее еще дважды: один раз, когда она смеялась, танцуя в паре с капитаном алусианского военно-морского флота, а потом и с англичанином, с которым Лео познакомился на охоте прошлой осенью.

Немного погодя Лео, к вящему своему облегчению, оставил свою предполагаемую невесту и удалился в игорную залу. Там он увидел лорда Хока и сел за его стол. Когда другой джентльмен сдал карты, Лео сказал:

– Надеюсь, ваша сестра не слишком рассердилась.

Хок выразительно закатил глаза.

– С нею все в порядке. Она очень импульсивная особа, только и всего.

– Как и все они, – согласился Лео, после чего он, его друг и все, сидевшие за столом, рассмеялись громко и непочтительно.

Глава 6

…горячо любимая герцогиня Таннемидская, гордость Англии, леди Элиза Триклбэнк, щедро одарила присутствовавших на ее свадьбе соотечественников изумительными фарфоровыми чайничками на память об ее свадьбе с принцем Себастьяном Алусианским. Кое-кому из британских гостей настолько пришлись по душе алусианские шелка, что множество сундуков, приобретенных здесь же, отправились домой, битком набитые заморским товаром. Ожидаем увидеть эти потрясающие ткани во время светских мероприятий осенью.

Свадебная церемония и последующие празднества оказались столь замечательными, что многие гости не горели желанием возвращаться домой. В частности, одной из англичанок оказалось чрезвычайно трудно расстаться со своим новым другом, джентльменом в самом соку. Впрочем, ей все-таки пришлось отправиться восвояси, к другому джентльмену, который, по слухам, только приближается к поре расцвета.

Дамская газета мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт

Итак, подведем итоги.

Как выяснилось, ее ошеломительного платья и несомненной красоты оказалось недостаточно, чтобы очаровать принца Леопольда. Не то чтобы ей так уж хотелось покорить этого невоспитанного хама, но это никак не отменяло того факта, что он просто обязан был впечатлиться ею. Но нет – ей пришлось самой подойти к нему, завязать разговор, а он посмел в ответ заявить, что совершенно не помнит ее, да еще и приравнял ее к сонму дебютанток, которые кружат вокруг него на каждом светском мероприятии!

– Почему он меня не запомнил? – требовательно спросила на следующий день Каролина у Элизы и Холлис, когда они прогуливались по дворцовым садам. – Все помнят меня. Это так невежливо с его стороны, верно? Он – высокомерный принц, и мне, например, уже прискучила его гордыня.

– Ха! – воскликнула Холлис. – Ты ведь имеешь в виду совсем не это.

– Неправда! Неужели он действительно ожидает, что я стану называть Элизу «ваша светлость» после всех тех лет, что мы с нею знакомы? До двадцатилетнего возраста я звала ее Селедкой.

– Ой! – с ласковой улыбкой отозвалась Элиза. – А я уже и забыла это прозвище.

Каролина пропустила ее слова мимо ушей и продолжила:

– Этот человек – настоящая помпезная и высокомерная задница! Ему повезло, что Бек вмешался вовремя, иначе я бы… даже не знаю, что бы я сделала, но…

– Пригласила бы его на танец, – встряла в разговор Холлис. – Ты же умирала от желания потанцевать с ним.

– Ну да, согласна, я хотела потанцевать с ним хотя бы ради того, чтобы на мое платье обратили внимание. Я просто хочу сказать, что мне нет никакого дела до этого сущего грубияна.

– Каро! Говори потише, – прошептала Элиза, оглянувшись на двух дворцовых стражников, следовавших за ними в нескольких шагах.

Каролина только фыркнула в ответ на то, что ей посмели указывать, как надо себя вести.

– Знаете, а мне, в общем-то, все равно, помнит он меня или нет.

Холлис противно захихикала, выражая тем самым недоверие услышанному.

– Речь идет о гордости, Холлис. Разумеется, я тоже не помню всех, с кем свожу знакомство, но мне нравится думать, что большинство из них все-таки остается в моей памяти. И двоих из них я помню совершенно отчетливо.

– Затаив дыхание, я жду, чтобы ты назвала их имена, – сообщила подруге Элиза.

– Итак, первый – его королевская задница, принц Леопольд, что вполне очевидно, как мне представляется.

– Каро! – прошипела Элиза, вновь испуганно оглядываясь на стражников, что следовали за ними по пятам. – Не забывай, ты находишься в Алусии! Да еще на территории дворца! Нельзя разгуливать здесь и при этом обзывать Лео по-всякому.

– А второй – алусианский джентльмен с орлиным носом, – ничтоже сумняшеся продолжала Каролина. – Ты ведь помнишь его, не так ли, Холлис? Я показывала его тебе на балу.

– В самом деле? – озадачилась Холлис, хмуря брови. – Ах да, что-то такое припоминаю – тот самый джентльмен, что ни разу на тебя не взглянул. Ты его

имеешь в виду?

– Именно!

– Он много потерял, дорогая, – попыталась успокоить подругу Элиза.

– В самую точку, не так ли? – убитым голосом сказала Каролина. – Благодарю за поддержку, принцесса Элиза.

– Принцесса? Или все-таки герцогиня? – полюбопытствовала Холлис.

– Даже не знаю, – небрежно отмахнулась Элиза. – Мне говорили, но я не запомнила. Да и какая, собственно, разница? Как по мне, так оба титула хороши.

– В этом-то все и дело, Элиза, – один лучше другого, – заявила Каролина. – Как можно забыть о том, кем тебя следует величать – принцессой или герцогиней?

– Полагаю, что, обращаясь к ней «ваше высочество», мы убьем сразу двух зайцев, – предположила Холлис.

Каролина выразительно закатила глаза:

– Очень хорошо, ваше высочество, но я называла тебя Элизой с тех пор, как мне исполнилось три, а тебе – шесть.

– Ради всего святого, Каро, мне решительно все равно, как ты будешь меня называть, – заявила Элиза. – Единственное, о чем я тебя прошу, – не отзывайся с таким пренебрежением о Лео. Это невежливо и дурно выглядит, в конце концов, особенно после того, как ты провела в гостях у его семейства целый месяц.

Против такого довода Каролине возразить было нечего. Все остальные тысячи или миллионы алусианцев оказались довольно-таки гостеприимными, а вот она вела себя грубо.

– Ты, как всегда, права, – со вздохом согласилась она. – Что ж, в таком случае можете считать, что я начисто забыла о нем.

Это была неприкрытая ложь, и, прекрасно зная себя, Каролина предположила, что продолжит вести себя с ним грубо. По крайней мере мысленно. Задница Алусии. Задавака принц. Грубиян Леопольд.

– И очень хорошо, дорогая, поскольку король вскоре намерен сделать официальное объявление о его помолвке.

– О его помолвке! – воскликнула Каролина несколько громче, чем следовало бы. – Но Бек сказал, что он возвращается в Лондон.

– Да, возвращается, чтобы собрать свои вещи и всякое такое. Он должен вернуться сюда к концу лета, тогда и состоится официальное объявление. Но, насколько я понимаю, все предварительные приготовления уже завершены.

Каролина ошеломленно умолкла. Правда, всего на миг.

– Что ж, удачи этой неизвестной леди. Она ей понадобится. Она станет наследной принцессой, или герцогиней, или кем там еще, но при этом ей придется выйти за него замуж. Ее могут называть «ваше высочество», но за завтраком ей придется сидеть напротив него.

Две женщины, шедшие им навстречу по аллее, сошли с нее и присели в реверансе, когда они втроем миновали их. Каролина даже оглянулась на них, все еще изумляясь тому, что Элиза Триклбэнк способна вызывать подобную реакцию у кого бы то ни было.

– Честно? Я была бы счастлива зваться просто миссис Шартье, – призналась Элиза.

Каролина не смогла удержаться от смеха. Элиза была в своем репертуаре – она никогда не обращала особого внимания на социальные условности.

– Ты просто невозможна, дорогая! Почему бы тебе не принять свой новый титул и с гордостью носить его? Что будет, если мы бросим тебя на произвол судьбы?

– Теперь у меня есть Бас, – заявила Элиза, и глаза ее сверкнули тем волшебным блеском, который поселился в них после того, как ее принц приехал за нею,

чтобы увезти из отцовского дома в Лондоне.

– Это не одно и то же, – упорствовала Каролина. – Он будет тебе льстить, не замечая твоих недостатков.

Элиза подхватила Каролину под руку:

– Мне будет ужасно недоставать вас обеих, но я справлюсь. На каждом повороте обязательно найдется тот, кто подскажет мне, что делать.

– Но что же буду без тебя делать я? – вопросила Каролина, и глаза у нее затуманились. – Кто укажет мне на мои недостатки? Господь свидетель, время от времени мне это нужно. Кто станет отпускать комплименты платьям, которые я шью, пусть даже они не слишком удачные? А ведь в этом я нуждаюсь еще сильнее.

– Бек, – ответила Элиза.

Каролина уставилась на нее так, словно не поверила своим ушам, и Элиза и Холлис дружно рассмеялись.

– Кто угодно, но только не Бек, – игриво заметила Элиза. – Это будет Холлис!

– Холлис! Да она не видит ничего, кроме своей несчастной газеты!

– Если ты мне поможешь, Каро, я стану делать комплименты всему, чему ты только пожелаешь, – возразила Холлис. – Впрочем, довольно об этом – я умираю от желания сообщить вам, что до меня дошли совершенно сногсшибательные слухи. Сегодня утром я пила чай на террасе нашей комнаты. И, кого бы вы думали, я увидела бессовестно флиртующим с премьер-министром Алусии?

– О боже! – вырвалось у Элизы. – С лордом Себутари?

– Да, – подтвердила Холлис. – Они были здесь, в этом самом саду, и прогуливались как ни в чем не бывало. – Она украдкой оглянулась на стражников. – Причем они держались так близко друг к другу, что она буквально сидела у него в кармане. И я не поручусь, что она действительно не засунула

руку ему в карман.

– Кто? – пожелала узнать Каролина.

Холлис быстро огляделась по сторонам, а потом прошептала:

– Леди Рассел.

Элиза и Каролина ахнули в унисон.

– Не может быть, – горячо прошептала Элиза. – Ему уже стукнуло пятьдесят, а она совсем еще молода.

– Они скрылись за живой изгородью, – прошептала Холлис. – А когда появились вновь, прическа у нее была растрепана. Она влюблена в него по уши, я вам говорю. Кстати, вам не кажется забавным, что именно ее супругу прочат пост премьер-министра Англии? Я слышала, что Пил вот-вот подаст в отставку.

– Если она без памяти влюблена в премьер-министра Алусии, то что же она станет делать, когда мы вернемся в Англию? – шепотом поинтересовалась Каролина.

– А что делает любая замужняя женщина, встретив настоящую любовь? Естественно, рассказывает об этом своим подругам, – ответила Холлис. – После чего изо всех сил старается сделать так, чтобы муж ничего не узнал.

Следующие несколько шагов они молчали; каждая обдумывала только что услышанную новость.

– У меня уже ноги отваливаются, – пожаловалась Элиза. – На этой неделе им изрядно досталось. Я мечтаю о том, чтобы прямо сейчас нам попалась скамейка.

– Ваша светлость! – Один из телохранителей выступил вперед. – С вашего позволения, скамейки имеются вон там, за поворотом, – сказал он, указывая на тропинку впереди. – Там есть небольшая прогалина в ряду кустов, с фонтаном, где можно присесть и отдохнуть.

Все три женщины остановились и уставились на стражника, а тот вернулся к своему компаньону, и оба вытянулись во фрунт.

– Ага… благодарю вас, – сказала Элиза. Развернувшись, она двинулась дальше, взяв под руки Холлис и Каролину и притянув их к себе. – Они что же, слышали все? – шепотом осведомилась она.

– Не знаю! – прошептала в ответ Каролина. – Господи, сколько еще эти стражники будут ходить за нами по пятам?

– Всегда? – неуверенно предположила Элиза.

– Вот ты где, Элиза!

Знакомый голос принца Себастьяна изрядно напугал их, они остановились и воззрились на тропинку, которая под прямым углом пересекала ту, по которой они только что прогуливались. Навстречу им широким и легким шагом шел принц Себастьян, за спиной которого виднелись принц Леопольд, леди Евлалия и королева. Позади них маячили стражники. Много.

– Будь вежлива, – пробормотала Холлис. – Это она. Его невеста.

– Что? – прошептала в ответ Каролина, когда они все дружно присели в реверансе перед королевой.

– Я искал тебя, дорогая, – сообщил супруге принц Себастьян.

Заключив Элизу в объятия, он поцеловал ее. Сердце затрепетало у Каролины в груди, и она украдкой метнула взгляд на принца Леопольда. А тот смотрел себе под ноги, сцепив руки за спиной. «Он выглядит каким-то бледным и больным», – решила она. Причем настолько, что, толкни она его сейчас локтем, он непременно упадет. Каролине понадобилось несколько мгновений, чтобы сообразить, что леди Евлалия рассматривает ее с загадочной легкой улыбкой на губах.

– Как вы, дорогая? – поинтересовалась у Элизы королева. Та принялась рассказывать ее величеству о своем отменном здоровье и прочих вещах,

а Каролина вновь вперила взгляд в леди Евлалию.

– Добрый день, – сказала она, сопроводив свои слова вежливым кивком.

Леди Евлалия невозмутимо кивнула в ответ на приветствие, но потом сделала шаг вперед и обратилась к Элизе:

– Ваша светлость. – Она сделала глубокий и безупречный реверанс, и Каролина поняла, что не знает, то ли восхищаться ею, то ли ненавидеть.

– О! – отозвалась Элиза, явно не ожидавшая подобных почестей. – Благодарю вас.

Не надо благодарить, Элиза. Каролина, закусив нижнюю губу, уставилась себе под ноги.

– Вы уже знакомы с леди Евлалией? – спросила королева. – Она родом из очень хорошей веслорианской семьи. Из тех веслорианцев, которые полагают Алусию другом, а не врагом, – и она прыснула со смеха, все дружно захихикали вслед за нею.

Каролина смеялась громче всех – она отнюдь не была дурой. При этом она вновь взглянула на принца Леопольда. На этот раз она заметила, что он устремил отсутствующий взгляд куда-то вдаль, словно эта встреча ему уже прискучила. Но потом он вдруг неспешно перевел взгляд на нее. Каролина многозначительно выгнула бровь, оглядела его с головы до ног, а потом выставила перед собой руку ладонью вверх, молча спрашивая его, почему это он смотрит на нее.

Он недовольно нахмурил брови, после чего, черти бы его взяли, выразительно закатил глаза и отвернулся.

Он закатил глаза!

Нет, с нее довольно! Каролина предоставила ему столько шансов, что больше некуда. Что ж, как выразилась Элиза, это его потеря. Очень большая потеря.

– Леди Каролина, Холлис… вы позволите похитить у вас мою супругу? – осведомился принц Себастьян. – Мы приготовили для нее небольшой сюрприз.

– Сюрприз! – воскликнула Элиза. – Не думаю, что обрадуюсь еще одному.

– О, этот вам непременно понравится, – заверила ее королева.

– Даю слово, что к чаю мы вернем ее вам, – нетерпеливо проговорил принц Себастьян и, подавшись вперед, поцеловал Холлис в щеку.

– Ваше Величество, здесь я распрощаюсь с вами, – сказал принц Леопольд и наклонился, чтобы поцеловать мать в щеку.

– Что? Куда это ты собрался? И почему бы тебе не присоединиться к нам?

– У меня была назначена встреча, которую я не могу отменить, – ответствовал он и, коротким кивком простившись со всеми, быстро зашагал прочь, прежде чем кто-либо успел вымолвить хотя бы слово.

Королева несколько мгновений смотрела ему вслед, а потом вздохнула и сочувственно улыбнулась леди Евлалии. Но та в ответ лишь слегка пожала плечами, словно показывая, что не видит в этом ничего ужасного.

Себастьян предложил жене руку. Элиза оперлась на нее с улыбкой, в которой читалось обожание. Несомненная привязанность этих двоих друг к другу уже начинала выводить Каролину из себя. Неужели двое могут быть настолько влюблены? Она не могла представить себе ничего подобного – ей до сих пор не довелось испытать тот трепет, который описывала Элиза, когда поняла, что полюбила принца Себастьяна. Ей была знакома лишь легкая симпатия, которая ярко вспыхивала, но столь же быстро угасала, как только на горизонте появлялся очередной, более внимательный джентльмен. Иногда Каролина даже спрашивала себя, а все ли с нею в порядке в этом отношении? Может быть, у нее слишком холодное сердце или еще что-нибудь в этом роде?

– Приходите на чай! – окликнула их Элиза, полуобернувшись на ходу, когда принц уводил ее прочь вместе с королевой Дарьей и леди Евлалией.

Охранники прикрывали их с тыла, замыкая процессию. В следующий миг Холлис и Каролина сообразили, что остались совершенно одни в огромном саду. Каролине вдруг пришло в голову, что всего-то через два дня одиночество их лишь усугубится, когда они покинут сказку Элизы и вернутся в Англию без нее.

– О боже, – выдохнула она и схватила Холлис за руку. – Мне будет ужасно не хватать ее.

– Мне тоже, – еле слышно пролепетала Холлис. – Мне тоже. – Вздохнув, она взяла Каролину под руку. – Давай вернемся в наши апартаменты, что ли? Мне еще нужно закончить пару заметок, прежде чем мы начнем собирать вещи.

День выдался чудесный, и они впервые оказались на свежем воздухе с тех пор, как начались торжества, грандиозным финалом которых стала свадьба.

– А я, пожалуй, пройдусь еще немного, – сказала Каролина.

– Хорошо. – Холлис отпустила ее руку. – Мне кажется или же нам просто непривычно гулять без охраны, что следует за нами по пятам?

– Тебе не кажется, – со смехом ответила Каролина. – Надеюсь, что больше никогда не увижу ни одного стражника.

Она посмотрела вослед Холлис, которая зашагала в сторону дворца. Сама же Каролина направилась в противоположную сторону, радуясь свободе и одиночеству, солнцу и свежему воздуху. Обойдя по кругу внушительный сад, она вдруг вспомнила, как дворцовый стражник говорил Элизе о скамьях в его центре. Пешеходные дорожки были проложены сквозь заросли кустарников, подстриженных самым причудливым образом, и время от времени в них попадались прогалинки для отдыха. Она стала плутать по тропинкам, направляясь в самое сердце сада. Будет здорово спокойно посидеть и подумать. Она никуда не спешила, то и дело останавливаясь, чтобы поглазеть на какое-нибудь растение или – черт бы его побрал! – в очередной раз поправить отстегнувшийся шлейф. Но, приблизившись к тому месту, где их оставила Элиза, она вдруг расслышала приглушенные мужские голоса.

Каролина замедлила шаг, стала ступать на цыпочках и остановилась на краю поляны, а потом подалась вперед, пытаясь разглядеть сквозь густые заросли,

кто же это там беседует.

Она ничего не увидела и тихонько подкралась еще ближе. И тут в поле ее зрения оказался какой-то мужчина, стоявший к ней спиной. Она испуганно отпрянула. Оглядевшись, Каролина приметила редкую поросль кустов, откуда наблюдать ей будет намного удобнее, и на цыпочках направилась туда.

Мужчины говорили по-алусиански. Но вдруг один из них заявил на английском:

– Вы не можете прийти сюда с такими известиями.

Она замерла на месте. Это, несомненно, был принц Леопольд. Она пригнулась, чтобы попытаться разглядеть что-либо, и вновь увидела чью-то спину. Да, это действительно оказался принц Леопольд. Она узнала бы эту сильную спину и широкие плечи среди тысячи других. Как и каштановые волосы, заложенные за уши и доходившие ему до плеч. Но с кем это он разговаривает?

Принц Леопольд заговорил снова, но теперь уже по-алусиански. Голос его был негромким, модуляции – быстрыми, а тон – резким.

Его собеседник ответил ему на том же языке. Каролина вытянула шею, чтобы лучше видеть, но любопытство ее лишь усилилось, когда она с трудом разглядела его. Он вовсе не выглядел состоятельным человеком, особенно по сравнению с принцем. Широкий в плечах, одет он был очень просто и непритязательно. Соломенного цвета волосы были неухоженными и торчали в разные стороны.

Принц Леопольд заговорил снова, и голос его стал звучать исступленно. Второй мужчина ответил на его тираду грустной улыбкой, торжественно кивнул и сказал:

– Je.

Она уже знала, что это означает «да».

Принц Леопольд поскреб затылок, еще раз окинул взглядом стоявшего перед ним здоровяка, после чего, совершенно неожиданно – во всяком случае, так

показалось Каролине – покинул поляну.

Она же шагнула еще глубже в заросли, ожидая, что мужчина вот-вот уйдет, но тот наклонился к фонтану, сложил руки лодочкой и плеснул водой в лицо. С силой проведя ладонями по лицу, он огладил свою всклокоченную бороду. Похоже, он собирался остаться здесь и хорошенько что-то обдумать. Каролина уже совсем было вознамерилась потихоньку улизнуть, но обнаружила, что чертов шлейф опять отстегнулся и зацепился за ветки. Если она сейчас попытается освободиться, то он непременно услышит шорох ее юбок.

Спустя какое-то время он встал и неторопливым шагом направился к тропинке. Но тут еще какой-то звук привлек ее внимание, и Каролина оглянулась. К зоне отдыха, которую уже собирался покинуть здоровяк, украдкой подбирались дворцовые стражники. От волнения у нее перехватило дыхание. Она растерянно спросила себя, не следует ли ей предостеречь этого человека, но, прежде чем она успела открыть рот, стало уже слишком поздно.

Здоровяк попытался убежать, но не ему было тягаться со стражниками, которые были и крепче, и моложе его, и они быстро повалили его на землю. Каролина могла бы закричать, пока они боролись, но смысла в этом не было – в шуме борьбы ее никто бы не услышал. Понадобились объединенные усилия трех стражников, чтобы поставить его на ноги, пока еще один связывал ему руки. На поляну ворвались еще двое стражников, чтобы помочь увести его.

После того как они ушли, Каролина еще долго стояла, словно пригвожденная к месту, мелко дрожа всем телом. Кто такой этот человек? Его арестовали? Это принц Леопольд натравил на него стражников?

И, наконец, ради всего святого, чему она только что стала свидетельницей?

Глава 7

…в качестве финального аккорда свадебных торжеств был подан ужин, на котором присутствовали немногие из оставшихся иностранных высоких гостей,

кои прибыли на свадьбу издалека. Хозяйкой приема, ставшего для нее первым официальным мероприятием, выступала герцогиня Таннемидская. По такому случаю королева Дарья одолжила ей тиару, украшенную шестнадцатью изумрудами, а изумрудные же серьги в тон Ее Величество ранее презентовала ей в дар.

На последнем праздничном ужине присутствовали многие выдающиеся личности, среди которых, пожалуй, самой интригующей оказалась Королек Веслории, чьи трели, по слухам, покорили сердце наследного принца. Говорят, что все условия брачного контракта уже согласованы. К концу лета ожидается официальное заявление.

Дамы, путешествуя по морю, советуем оставлять свои тонкие легкие ткани в сундуке, поскольку соленая взвесь способна испортить хороший наряд и напитать ненужной влагой вашу одежду.

Дамская газета мод и домашнего хозяйства госпожи Ханикатт

Кадро, телохранитель Лео, мимоходом обронил, что Лизандр был задержан. Известие об этом пронзило Лео, как удар молнии.

– Когда?

– Сегодня днем, – ответил Кадро. – В дворцовом саду.

То есть после того, как он оставил его? После того, как Лео ушел из сада, снедаемый чувством смутного беспокойства и с бешено бьющимся сердцем?

Принц по-прежнему не мог понять, чего ради ему вообще понадобилось встречаться с Лизандром. Быть может, потому, что ему не хотелось вновь слушать, как поет Евлалия. Он высидел две песни, но при этом ему казалось, будто по ногам у него вверх и вниз ползают муравьи, и ему отчаянно хотелось оказаться в другом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Свобода и честь (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/london_dzhuliya/poceluy-princa

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить